

ЛАРИСА СОБОЛЕВА

ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ
В ЕЕ РУКАХ

ДЕТЕКТИВ ПО НОВЫМ ПРАВИЛАМ

ТАМ,
ГДЕ НАСТОЯЩЕЕ
ПЕРЕПЛЕТАЕТСЯ
С ПРОШЛЫМ, —
ВОЗМОЖНЫ
НЕОЖИДАННЫЕ
ПОВОРОТЫ СУДЬБЫ...

Детектив по новым правилам (АСТ)

Лариса Соболева

Жизнь и смерть в ее руках

«АСТ»

2006

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Соболева Л.

Жизнь и смерть в ее руках / Л. Соболева — «АСТ»,
2006 — (Детектив по новым правилам (АСТ))

ISBN 978-5-17-104219-6

Малика на распутье. Ее бывший криминальный покровитель по кличке Гриб велит убить местного олигарха Князева. Пять лет назад, когда семья бедствовала и Малика готова была пойти на панель, бандит вынудил девушку стать русской Никитой. А Князев когда-то спас от смерти ее мать, дав деньги на операцию. Пусть он сделал это походя, даже имя просительницы не запомнил, но знаменитая киллерша помнит добро. И принимает самое опасное решение...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-104219-6

© Соболева Л., 2006
© АСТ, 2006

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

52

Лариса Соболева

Жизнь и смерть в ее руках

© Л. Соболева

© ООО «Издательство АСТ», 2018

Ранее книга издавалась под названием «Ради большой любви».

* * *

1

Подперев щеку ладонью, директриса вздохнула, будто с похорон пришла, и с жалобной ноты начала:

– Опять пришел наш мент за данью. Пойди к нему. При тебе он стесняется обдирать нас, да и заходит-то на тебя посмотреть.

– Мне что, уволиться? – пыхнула Маля.

– Я ж не к тому, – протянула Валентина Григорьевна. – Он теперь и без тебя будет дань собирать. По привычке. Иди, он в сборочном, а я его видеть не могу.

На смуглых щеках Мали выступил матовый румянец негодования. Мент Витя, обеспечивающий порядок на данном отрезке улицы, раз в неделю заходил в кондитерскую, чтобы выйти отсюда с набитыми сумками в количестве четырех штук. По две ходки делал, не ленился. Если не дать ему энное количество сладостей – он устроит налет с привлечением бандитской пацанвы.

– Не выходите из кабинета! – повелительным тоном бросила Маля и побежала в цех, пряча закрученные в спирали волосы под косынкой. В коридоре ее поджидала толстушка Зина. – Зинка, что у нас залежалось?

– Ириски... килограмма три... потом зефир...

– Тащи все, нагрузим нашего Витю.

– Несвежим?! – вытаращила испуганные глазищи Зина.

– Тащи! – прикрикнула на нее Маля и вошла в цех, где торты украшали кремом. Витю она сразу увидела, на нем же нет белого халата. Она нацепила на лицо игривую улыбку: – Виктор! Почему ты здесь? Упадет волос в торг, нас потом вместо него съест Роспотребнадзор.

– Да у меня волос-то немного, – поглаживая раннюю лысину, сказал он и тоже украсил наглую, жирную рожу сальной улыбочкой. – Здравствуй, Малика.

– Витя, – повела она черными бровями. – Мое имя произносится с ударением на последний слог.

– Ай, – всплеснул он пухлыми и загребущими лапами. – Я забываю.

Алчные глаза Вити скользнули по ее фигуре, а Маля будто напоказ себя выставила: одной рукой оперлась о стол, отставив заманчивый зад и положив вторую руку на бедро. Круглолицая Малика, девушка явно с восточной примесью, с пухлыми губами, с черными глазами и выпуклыми формами, давно его прельщала. Но Витя знал: этот виноград пока зелен, потому лишь сглотнул слюну, облизнул высохшие губы. Девчонки в цехе, наблюдавшие за ними, захихикали, а Маля, обнажая два ряда ровных белых зубов, спросила:

– Ириски возьмешь? Свежие, мягкие, ну просто тают во рту. – Свежие ириски как раз твердые как камень, но чем больше они лежат, тем мягче становятся.

– Ну, пару килограммов... если ты настаиваешь...

– Три. Бери, Витя, три килограмма.

– А Валентина Григорьевна тебя не того?.. Кстати, где она?

– Ее нет. Ради тебя, Витя, приму нагоняй. Зина! – позвала она, глядя на него почти с обожанием. Влетела Зина, вытерла красное лицо куском марли и преданно уставилась на мента. – Подготовь для Вити набор...

– Уже готово... – шмыгнула носом та. – Завернуть?

– Заверну я сама. Идем, Витя.

Выйдя в маленькую комнату, где стояли многоярусные столы для готовых изделий, которые потом переносили в кафетерий и кондитерскую, она упаковывала в тонкую бумагу ириски, зефир, мармелад, пастилу – то, что подносила Зина. Витя вышагивал вокруг, задерживая плотоядный взгляд на аппетитных изгибах тела Малики. Когда Зина в очередной раз убежала, он квакнул:

– Ты сама как бланманже.

– Но я несъедобная, Витя. Отравишься.

Уж ему-то не знать. Однажды была слабая проверочная попытка пощупать, настоящие у нее выпуклости или подложенные. Ее реакция оказалась неожиданной: Малика схватила приставалу за это самое место со словами: «А у тебя есть чем? Не-а, не годится». Уничтожила его, он месяц не заходил в кондитерскую.

– Мне бы тортик еще... – застенчиво произнес он.

– Тортик? – улыбнулась Маля. – Зина! – Та, словно ждала за дверью, просунула голову в щель. – Тортик для Вити.

– Ага. – Та убежала и появилась снова с большой коробкой. – Вот.

Витя забрал сумки и коробку и пошел по длинному коридору.

– У, гад, – процедила Зина. – Чтобы у него кишки слиплись! Ой, Малика, он же всего две сумки взял!

– И тортик. Что за торт принесла?

– Как ты сказала... просроченный.

– Молодец. Может, его пронесет, а?.. – Обе залиvisto расхохотались, через минуту Маля вспомнила: – Господи! Я же мужу не позвонила!

И помчалась к телефону, ведь с мобилы звонить дорого. Набрал номер, послушала гудки, а когда он взял трубку, торопливо заговорила:

– Ты пил? Меня задержали, мент Витя приходил за данью.

– Малек, ты зря отрываешься от работы...

– Не ворчи. Если я не напому, ты забудешь принять лекарства. Через час надо еще таблетку выпить, помнишь? – Он вздохнул. – Не вздыхай. Звонила и буду звонить. Лялька пришла? Через полчаса укол надо делать.

– Не пришла. Придет, не переживай.

– Ну все, пока. Целую. – И Маля повесила трубку.

После работы она забежала в продуктовые магазины, нагрузилась под завязку. Сегодня выдали зарплату – деньги жгли карман, пришлось истратить значительную часть. Заскочила в аптеку, купила лекарства и шприцы, уложив все в сумку, зашагала уверенной походкой домой. Маля теперь твердо стояла на ногах, к тому же была довольна абсолютно всем, и это отложило отпечаток на весь ее облик. Теплый вечер первых дней сентября с робким и терпким запахом осени придавал ей дополнительные силы, усталости не было, собственно, кто устает в двадцать девять лет?

Пройдя под каменной аркой во двор, Маля от неожиданности остановилась и зажмурилась – по глазам внезапно ударил яркий свет фар. До этого она не подозревала, что на пути

стоит автомобиль. Секундная пауза – и сумки из рук Мали вырвали, после чего ее подхватили под руки какие-то типы и затолкали в машину на заднее сиденье.

Шок был сильным, но Маля ни звука не проронила, ехала молча между двумя парнями, державшими ее за руки. Старалась дышать потише, чтобы по дыханию они не определили, в каком она состоянии. Маля не потеряла самообладания, лихорадочно соображала, кто эти люди и зачем ее утащили. Вдруг с первого сиденья развернулась туша, в полумраке блеснув зубами, потом туша сказала самоуверенным тоном:

– Спокойно, Монтана, мы свои.

Она узнала этот голос, да и его владельца тоже, хотя он сильно заматерел. На миг закрыла глаза, чтобы собрать волю в кулак, потом открыла их и хлестко спросила:

– Что надо?

– Повидаться захотелось, – ответил он.

– Свидание нужно было назначить, – процедила Маля.

– Так ты ж не придешь, – скалился он.

– Руки! – рывкнула она, ударив локтями парней по обеим сторонам.

– Уй, е! – скрючило одного. – Прямо под дых...

Туша расхохоталась:

– Ну, Монтана, ни капли не изменилась. Скажи, че тебя потянуло к кастрюлям? Ты ж не для них склеена.

– Не твоё собачье дело, Гриб, – заявила Маля, давая понять, что не боится их. На самом деле пульс ее участился в тот момент, как затолкали ее в машину, и до сих пор он не стал ровным. – Куда везешь меня?

– В укромное местечко. – Гриб отвернулся лицом, показав Малике аккуратно подстриженный затылок.

– Зачем? – задала она естественный вопрос.

– В любви буду объясняться, – сострил он.

Гриб – это была кличка и фамилия одновременно. За то время, что Маля не видела его, он отъелся до бычьих размеров. Гриб – законченное дерьмо, которое тюрьма уже не исправит, разве только могила, однако он обожает прикидываться культурным.

Остановились у лесопарка, там их ждала еще одна машина, но оттуда никто не вышел. Водитель включил свет в салоне, Гриб развернулся к Малике:

– Дело есть, Монтана.

– У тебя? – желчно спросила она. – Ко мне? У нас с тобой общих дел быть не может.

– Допустим, у тебя и не может, – осклабился он. – А у меня есть.

– Короче, – обозлилась она.

– Это другой разговор. Завалить надо одного...

– Я этим больше не занимаюсь.

– Займешься, никуда не денешься, – заверил Гриб. – Я предвидел такой базар. Твой дырявый муженек у нас. Сестричка тоже.

– Что?! – потеряла самообладание Маля.

– Да не пыли, – скривился он. – С ними будет порядок, вернем тебе их в сохранности, когда дело сделаешь. Считай, что они у нас как в камере хранения.

Рядом раздалось дегенеративное ржание, она покосилась на длинного и трясущегося в приступе хохота недотепу, потом снова приковала взгляд к рыжей роже Гриба. Молчала.

– Не веришь, да? – ухмыльнулся он, набирая номер на мобиле. – Дайте муженька. Держи, Монтана.

Она схватила телефон, поднесла к уху:

– Это я, Малика...

– Малек? – послышался голос мужа, который, судя по интонации, нервничал. – Не волнуйся, с нами все нормально. Мы не дома, Малика...

– Знаю. Постарайся не волноваться, все будет хорошо, слышишь? Я верну вас домой, верь мне, Кеша.

– Ну, хватит. – Гриб грубо вырвал трубку. – А то я зарыдаю горячими слезами, честное слово. Убедилась, что я не блефую?

– Ты... – сквозь стиснутые зубы прошипела Маля. – Если с ними что-нибудь... я из тебя решето сделаю.

– Ух, Монтана, такая ты мне нравишься, – хохотнул Гриб. – Ну, так как?

Она скрипнула зубами от ярости, отвернула лицо в сторону, но, увидев прыщавую рожу дегенерата, еле сдержалась, чтобы не захватить по ней кулаком. Потом перевела тяжелый взгляд на Гриба, тот удовлетворенно крякнул:

– Я знал, что мы поладим. Значит, завалить надо...

– Срок, – процедила Маля, ведь выбора не было. Вести переговоры и взывать к совести подонка – только зря тратить время, уж она-то знала Гриба неплохо.

– Надо управиться за неделю. Мы подготовим операцию, тебе останется...

Маля поднесла к носу Гриба кукиш. Дегенерат справа, которому она захватила под дых, угрожающе прорычал и поднял руку, мол, ща получишь! Но Гриб опередил его, стукнул по лбу, гаркнув:

– Ша! – Поскольку Маля так и держала кукиш перед его носом, он сфокусировал глаза на нем и вздохнул. – Монтана, я ж из братских чувств хочу помочь тебе.

– А я не нуждаюсь в помощи. – Она убрала кукиш. – Кого?

– Князева.

– Кого?! – второй раз потеряла самообладание Маля. – Ты хоть представляешь, кого ты...

– Представляю. Он сейчас без охраны, переживает плохие времена.

– Будто у нас бывают хорошие времена, – фыркнула Маля. – Да это невозможно, и вообще... я не в форме. Не помню, когда стреляла последний раз.

– Поупражняйся в тире. Но лучше задом перед Князевым покрути, губами пошлепай, он и присохнет, а там ты его красивенько сделаешь... У тебя же задница как орех, так и просится на грех. А губы, как у негритоски...

– Князева! – огрызнулась Маля. – А меня потом куда? В тюрьму или на тот свет?

– Потому и поручаю тебе это сложное дело, что ты вывернешься, – благодушно улыбался Гриб. – Учти, Монтана, не сделаешь его, мне придется твоих...

– Поняла! – гаркнула она. – Где сумки? – Один из ее сторожей поднял с пола пакеты, Маля вынимала упаковки и бросала их на колени сторожу справа. – Моему мужу надо пить по часам лекарства, уколы сделает Ляля, передашь ей все это.

– Ответь, Монтана, на один вопрос, который тербит мою душу с тех самых пор, как ты обзавелась кастрюлями, – заворковал Гриб. – На хрен тебе эта плесень? Хочешь, вдовой тебя сделаю? А потом утешу, у меня на тебя всегда стоит.

Он протянул свою лапищу, нежно взял Малику за грудь. Она опустила глаза на его руку и совершенно спокойно сказала:

– Убери клешню.

Гриб тоже ее хорошо знал, поэтому шутливо отдернул руку, будто ожегся, и улыбнулся, демонстрируя вставные зубы (свои-то давно выбили). Маля подалась к нему, ее рот очутился у губ Гриба, после чего она продемонстрировала свои собственные зубы в злобной улыбке:

– Если мой муж не вернется ко мне живым и невредимым, я не решето из тебя сделаю, Гриб, а сито. И Ляльку попробуй обидь со своими дегенератами.

– Сейчас обижаешь меня ты. Я слово держу.

– Я тоже. – Маля откинулась на спинку сиденья, глядя на Гриба из-под приспущенных век, переменяла тон на деловой: – Мне нужно две недели.

– Две? Многовато. Ну, ладно. Два выстрела сделаешь, второй, как водится, контрольный. Когда убаюкаешь Князева, ствол не бросай, отдашь его мне, он бабок стоит. Получишь десять тонн. В твоём положении кондитерши и сестры милосердия это офигенное богатство. А твоя плесень и сестричка все это время будут у нас.

– Вот и сдувай с них пылинки.

– Отвези ее домой, – бросил Гриб водителю, а на двух парней сорвался: – Чего расселись? Выметайтесь! Монтана, два выстрела, помни. До встречи.

– Ольмисанми¹! – проворчала Маля.

Обратную дорогу она смотрела в окно и ничего не видела, от ярости сжимала кулаки, длинные ногти впивались в кожу, причиняя боль. Иногда физическая боль куда легче внутренней. За пять лет Маля подзабыла свое прошлое, которое временами казалось ей чьей-то чужой жизнью. Пять лет назад случилось чудо, настоящее и сказочное, заставившее Малю поверить, что добро существует – бескорыстное, искреннее, щедрое. Но это было не то прошлое, которое по желанию забывается, о нем обязательно напомнят.

Маля вышла из машины, водитель протянул ей пистолет:

– Держи. – Она взяла и вдруг без слов приставила ствол к его виску. – Не заряжен. Бери обоймы, Монтана. Для тренировок.

Маля забрала обоймы и сказала:

– Убирайся, эчки². Не искушай.

Хихикнув, водила дал по газам. Маля поднялась на этаж, вставила ключ в замок, но дверь была не заперта. Ей стало понятно, как забрали мужа с Лялькой, – они сами открыли Грибу и его дегенератам, ну а те не потрудились даже закрыть квартиру. Она вошла в темную прихожую, включила свет, в комнате села на старый скрипучий диван, опустив плечи. Просидев так очень долго, позвонила:

– Извините, Валентина Григорьевна, за беспокойство...

– Да ничего, ничего, Малика. Ну ты и насмешила всех! Зинка рассказала, как вы всучили Витьке залежалый товар. А если он отравится?

– В сортир побегает, наглеть перестанет. В случае претензий с его стороны скажите, что у него развилась аллергия от неумеренного потребления сладостей.

– Сама скажешь, у тебя лучше получится.

– Валентина Григорьевна, я не приду на работу в понедельник... и еще несколько дней. Возможно, долго не приду...

– С Иннокентием Николаевичем что-то?..

– Да, с Кешей. Он... ему нехорошо. Я должна с ним посидеть, так что сами напишите заявление на отпуск за мой счет.

– Занимайся мужем, а я выпишу тебе материальную помощь.

– Спасибо.

2

Поздним субботним вечером вышибалы подхватили Князева под белые рученьки и вынесли из ресторана, по-доброму совестью:

– Нехорошо, на вас это не похоже. Напились, буяните. Вызвать такси?

¹ Чтоб ты сдох! (узбек.)

² Козел (узбек.).

– Не надо, – мотнул головой Князев, повиснув на плечах вышибал. – Я на машине. Я с-сам...

– Нельзя вам за руль, Пал Палыч, – сказал один из вышибал, поставив Князева на ноги, но тот сразу же завалился на него. – Спокойно, спокойно...

– Ты мне? – промямлил Князев. – Я сы-покен.

– Пал Палыч, вызвать тачку, а? За машину не волнуйтесь, мы присмотрим, – уговаривал второй басом.

– Хочу сам... Доеду.

– Вы разобьетесь.

– Разо?.. – оживился Князев. – Я разо...бьюсь, да? Согласен.

– Дайте-ка его мне.

Оба охранника замерли, глядя на броскую девицу в короткой юбке, с аппетитными выпуклостями где положено, с закрученными в спирали волосами, ярко расписанную. Мысленно поставили клеймо: проститутка, причем дорогая. Но возиться с пьяным, хоть и с завсегдаем, не хотелось. Один ее предупредил:

– Он в нулях, тебе не повезло.

– Я знаю его, отвезу, – сказала Маля, оттеснив вышибалу и забросив на свое плечо безвольную руку Князева. – Идем, Павел Павлович.

– Куда? – очнулся тот.

– В машину, – увлекая его, сказала она. Охранники галопом помчались в ресторан, пока проститутка не передумала. – Переставляй хоть как-нибудь ноги, Пал Палыч, а то я не дотащу тебя.

Он был хоть и худой, но высокий, жилистый. Дойдя до машины, Князев зашарил по карманам, Маля его поддерживала. Нашел пульт, сосредоточился, и... автомобиль подал сигнал: открыто. Князев, шатаясь, распахнул дверцу и рухнул на подножку, потом взялся за голову обеими руками, поставил локти на колени. Маля остановилась перед ним, рассматривала его сильные руки и длинные пальцы, белобрысую и коротко стриженную голову. Кашлянула, чтобы обратить на себя его внимание. Он очнулся не сразу, словно кашель дошел до него через спутниковую связь с другого конца планеты, увидел перед собой женские ноги, провел осоловевшим взглядом снизу вверх и поднял брови:

– Ты кто? Эта... прости господи, да? У меня денег... фью. Извини.

– А ты соображаешь. Садись в машину.

Не надеясь, что он понял ее, она затолкала Князева на пассажирское место. Сама села за руль, поизучала приборы.

– Ты хочешь рулить?.. – ужаснулся он, схватившись пятерней за подбородок и упав боком на дверцу. – Крутить мою?.. А ты умеешь?

– «Оку» вожу, – продолжая исследовать приборы, сказала она. – Думаю, справлюсь.

– «Оку»?! У меня же автоматика с... Нет, у меня... эта... как ее... Электроника! Но можно и так. Я щас... покажу... – После некоторых усилий он завел мотор и небрежно махнул рукой. – По-эхали.

Маля взялась за руль – машина подпрыгнула и остановилась, пружинила, будто ее трясли.

– Ничего, получится, это же не самолет, – проговорила она и опять попробовала тронуть с места, но уже осторожно. После нескольких попыток машина медленно поползла. – Пал Палыч, тебе куда? Домой?

– Не-ет! – замахал он длинными руками, свесив голову на грудь. – Куда-нибудь. Меня не пустят... домой.

– Да? Кто же посмеет не пустить тебя в твой дом?

– Жена. Она ушла.

– Ушла? – поддерживала разговор Маля, уделяя все внимание рулю и дороге. – Если она ушла, то ее нет дома.

– Есть. Она меня ушла.

Он скрестил на груди руки, выпятил губы до самого носа и прислонился плечом к дверце. А Маля научилась переключать скорость и повела авто чуть уверенней. Мельком взглянув на пассажира, она спросила тоном, каким обычно разговаривают с детьми или слабоумными:

– Не пойму, как это – она тебя ушла?

– Как, как... – заворчал он и заерзал. – Развод. А квартиру себе хочет. Чтобы я ей оставил. У меня квартира – у-у-у! Хо-рошая. Боль-шая.

– Выгнала, что ли?

– Я с-сам ушел. Взял и ушел. Мне сорок! А я дур-рак. Не разбираюсь в людях. Я болван! А теперь еще и... никто. У меня ничего больше нет. А было. Недавно было. А теперь нет. Останови, воздуха мало.

Маля остановила машину, он открыл дверцу и запрокинул голову на спинку сиденья, ей показалось, заснул. Она со своей стороны толкнула дверцу – прохладный и свежий воздух, которого никогда не бывает в городе, заполнил салон. Посидев немного, Князев поежился:

– А чего так холодно? – И... вывалился из машины.

Когда Маля, обойдя автомобиль спереди, подбежала к нему, он уже встал на ноги, держась за капот, и глубоко вдыхал воздух, не соображая, что находится за городом:

– Ух, запах... Ужасный! Жить хочется. А не хочется. Ты меня понимаешь?

– Нет.

– Потому что дура. Бабы все дуры. И мародеры. Слушай... а что это светится там?

– Луна в реке.

– Здесь река?! Пфф! – Он удивился, будто никогда не видел рек. Неопределенно пожав плечами, неожиданно зашагал к реке по бездорожью.

– Куда ты? – бросилась вдогонку Маля.

– Топиться. Утоплюсь – будет кайф...

Однако, ступив в яму, он упал, но поднялся без посторонней помощи, так как Маля, опасаясь поломать ноги в туфлях на высоких каблуках, в это время снимала их. Когда она догнала Князева, он уже стоял по колено в тихой воде.

– Не топись, – сказала она ему. – Я должна тебя убить.

– Убить? – повернулся к ней Князев. – Меня?

– Да. Мне обещали за тебя десять тысяч баксов.

– Так мало?! – возмутился он. – Пфф! Моя жизнь стоит всего десять... Это свинство! Ну, ладно, давай. Убивай. Я все равно убит. Меня почти нет. Я хочу умереть окончательно и бесповоротно.

– Пойдем, убью тебя в машине.

– Пфф! – Он снова поднял плечи от возмущения. – Какая разница? Я хочу на свежем воздухе.

– Пал Палыч, я не шучу. – Маля ступила в воду и протянула ему руку. – Если я убью тебя здесь, ты упадешь в реку, так?

– Угу. – Он кивнул и едва устоял на ногах.

– А как я докажу, что убила тебя? Твой труп утонет, и я не получу денег. Идем в машину?

Он подумал-подумал, неожиданно стал на колено и несколько раз плеснул себе в лицо, загрывая воду пригоршнями.

– Вода холодная, у меня ноги замерзли, – сказала Маля. – Давай руку.

Недолгая пауза, и Князев схватился за руку Малики, выполз на берег, потом обнял ее за шею, оба поплелись к машине, качаясь из стороны в сторону.

– А чем ты меня... Ну, убьешь?

– Пулей.

– Это быстро. И надежно. – Забравшись в машину, Князев передернул плечами. – Брр! Правда, вода холодная... Шас включим отопление... Слушай, ты меня знаешь когда убей? Когда я усну. Договорились? Скажи, договорились?

– Договорились, – осторожно трогаясь с места, пообещала она. – Боишься умирать?

– Хрен его знает. Нет, лучше когда усну... и не проснусь. Все, я сплю... – Но, проехав некоторое время, он вдруг выпрямился. – Слушай, машину моей змее не отдавай, поняла?

– Не отдам. А кто змея?

– Пфф! Жена, конечно! Себе заberi. Не хочу ей. На запчасти разбери и пр-родай. – Он умогнулся, но вдруг опять встрепенулся. – Слушай, у тебя бывает: мысль родилась и сдохла, родилась и сдохла? Молчи, у тебя ваще мыслей нет, потому что ты баба, значит, дура. А у меня бывает.

Князев окончательно устроился с максимальным комфортом и заснул.

В глаза светило что-то пронзительно яркое. Он лениво вертел головой, пытаясь избавиться от света, но напрасно, а пошевелить частями ватного тела он был не в состоянии. И не мог понять, почему у него нет силенок, почему даже веки разлепить не удастся.

– Сколько сейчас? – спросил женский грудной голос.

Голос был незнакомым, и он удивился, почему ему задали вопрос, кто и про что.

– Полдень, – сказал мужской и сиплый голос.

На лицо Князева легла тень, избавив его от яркого света, мешавшего открыть глаза. Он догадался, что вопрос был задан не ему, но кто эти люди? Князеву почудилось, что кто-то склонился над ним, он даже ощутил тепло человеческого тела, приподнял веки и увидел... львиную гриву. Нет, правда, над ним склонилась львиная грива, окруженная свечением, а вместо львиной морды было большое темное пятно.

– Проснулся, – сказал тот же женский голос. – Дядя Костя, надо бы его привести в чувство.

– А, это мигом. Сейчас рассольчика принесу.

Кто-то зашаркал ногами. Заскрипела дверь, хлопнула. Львиная грива отплыла в сторону, а Князева резанул по глазам безумно яркий свет. Он зажмурился и с трудом повернулся на бок. Когда в следующий раз он открыл глаза, перед ним предстала нелепая картина. То ли он находился в сарае, то ли еще где – не понять. Стены деревянные, прогнившие, потолок тоже прогнивший, кругом антисанитария в кубе. Яркий свет, раздражавший его, оказался солнечным и проникал через раскрытое окно. Снова хлопнула дверь, затем неизвестный тип с заросшей харей (натуральный бабай), скаля редкие желтые зубы, протянул ему грязный ковш:

– Пей.

А пить хотелось – жуть, все нутро высохло, как в пустыне Сахара. Князев приподнялся на локте, взял ковш с мутной подозрительной жидкостью и приложился губами к краю. Солонатовое, остро-кислое питье полилось внутрь, охлаждая выжженную пустошь и принося облегчение желудку и голове. Он выпил все до дна, передернул плечами, отдал ковш бабаю и бухнулся на кровать, тяжело задышав.

– После перепоя молока хорошо принять, – скалился бабай, получая видимое удовольствие от состояния Князева, который покрылся испариной. – Пьешь молочко, а оно на пути в кишки кефиром становится. Но молока нет. Может, ему это... самогона, а? Полегчает враз.

– Не стоит, – сказала женщина. – Он мне трезвым нужен.

– Еще принести рассолу?

Князев понял, что бабай обратился к нему, и вяло выговорил:

– Неси.

Хлопнула дверь, ударив по мозгам.

– Пал Палыч, тебе надо окунуться.

Князев поискал глазами женщину, нашел ее у стены, но в полутемном сарае не рассмотрел, какая она.

– Ты кто? – спросил вяло. – Где я?

– Сначала в себя приди, поговорим потом. Вставай. Помочь?

– Я сам, – промямлил Князев, отбрасывая тряпку типа одеяла. Сел. А на нем, кроме трусов, ничего не было. – Где моя одежда?

– Сохнет, – сказала женщина, не объяснив, почему его одежда сохнет, а самому спросить не было сил. Она подошла к нему. – Может, все же помочь тебе?

Это оказалась молодая женщина, и очень даже... для тех, кто понимает. Князев отказался от помощи:

– Не надо. – И встал на ноги. – Куда?

– На выход, – указала рукой Маля и пошла первой, распахнула дверь, уступая ему дорогу.

Пришлось согнуться, чтобы не удариться головой, – дверной проем был низкий, покосился и разохся. Князев вышел на воздух, остановился, осматривая местность и потирая плечи. Перед ним простиралось нечто вроде заросшего камышом водоема, но для лужи водоем оказался слишком велик, а для озера слишком мал.

– Окунись в пруду, – предложила Маля.

Как робот, безоговорочно выполняющий команды, Князев поплелся к берегу, у воды ступни погрузились в серую жижу.

– Здесь паразитов нет? – полюбопытствовал он, не оборачиваясь.

– Только пиявки, лягушки и мелкая рыбешка. Иди, иди.

Осторожно продвигаясь в глубь пруда и чувствуя, как ступни погружаются в ил по щиколотку, он брезгливо морщился, но мужественно двигался вперед. Зашел по пояс, нырнул. Холодная вода, проникая под кожу, взбудрила его не то слово, а отрезвиться ему надо было – край. Князев вынырнул, отплевался и поплыл, где-то на середине пруда перевернулся на спину, снова ушел с головой под воду, потом благополучно добрался до берега.

– Дядя Костя! – позвала Маля. Откуда-то взялся тот самый бабай с противной харей, в дурацкой и далеко не опрятной одежде, приносивший солено-острое пойло. – Полотенце есть?

– А как же. – Бабай в прямом смысле ускакал в сарай.

Тем временем Князев, сплевывая, рассматривал покосившееся одинокое строение. На веревке, протянутой от него до дерева, висела одежда Князева. У входа в сарай кто-то смастерил печку из кирпичей, дымились дрова, а на печи стояла жуткого вида алюминиевая кастрюля. Вокруг росли ивы, толстые деревья с раскидистой кроной и кустарники. Ну прямо дом отдыха.

Не успел Князев глазом моргнуть, как бабай (со странной кличкой дядя Костя) принес махровое полотенце и отдал гостю. Подарив Князеву улыбку, он резво поскакал к печке, там с серьезнейшей миной, зажав в зубах самокрутку, принялся чистить рыбешку. Князев развернул ветхую тряпку с дырой посередине и решил, что до него ею вытерлось человек пятьдесят, возможно, этой ветошью вообще полы мыли. Но другого полотенца не было, Князев промокнул им воду на теле. Отдавая Малике влажную тряпку, задал вопрос, который очень его интересовал с тех пор, как он открыл глаза:

– Как я сюда попал?

– Я привезла тебя. Не помнишь?

– И где ты меня подобрала?

– В кабаке. Тебя вывели вышибалы.

– Почему моя одежда сохнет?

– Ты вчера хотел утопиться в реке.

Князев выпятил нижнюю губу, с подозрением глядя на Малику, очевидно, припоминал прошедший вечер, который стерся из памяти. Маля в свою очередь внимательно рассматри-

вала его. От вчерашней слабости Князева не осталось и следа, сейчас она видела совершенно другого человека – собранного, спокойного, а ведь он попал к неизвестным людям. Глаза были колюче-настороженные, но не испуганные. Тонкие губы поджаты, отчего и без того тяжелый подбородок выдвинулся вперед. В этом человеке было много отталкивающего, и дело вовсе не во внешности, которая как раз оказалась сносной. Вокруг Князева будто существовала невидимая аура, делающая его недоступным. Нетрудно было определить, что он нетерпим, резок, имеет волю и ум, но пользуется ими исключительно в рабочем порядке. К быту не приспособлен, закинь его на необитаемый остров – погибнет. В городе о нем мнения разделились: одни называли его тираном, другие благоговели перед ним, золотой середины не было. Но...

– Идем в дом, пора поговорить, – сказала Маля.

Князев пошел за ней, у сарая остановился – и это она назвала домом? Но он воздержался от замечаний и вопросов, решил послушать девушку.

3

Она дала ему дряхлое одеяло, бывшее когда-то верблюжьим, он набросил его на плечи, повернулся спиной к незнакомой особе и снял мокрые трусы. Потом, завернув одеяло вокруг бедер, поискал место, куда бы сесть, но единственную табуретку заняла Маля. Князев присел на нечто вроде нар, где он спал, ладонями уперся в колени, оттопырив локти, и выжидательно уставился на Малику.

– Пришел в норму? – спросила она.

– Относительную.

– Мне приказано тебя убить.

Он не воспринял ее слова всерьез:

– За чем же дело стало?

– Не веришь, – поняла она. – Позавчера Гриб взял в заложники мою семью, если я тебя не убью, он убьет их. Я вырвала тебя у вышибал и привезла сюда, чтобы обсудить, как быть. Так что, поверь мне, и побыстрее. У меня времени мало, у тебя тоже.

– Гриб? Кто это? – Внешне он оставался спокойным.

– Раньше он был обычной сволочью, а теперь, судя по всему, сволочь с «крышей». Точно не знаю, но, думаю, Гриб все равно «шестерка», только такая, что имеет в подчинении десятка два «шестерок»-дегенератов.

– А почему Гриб приказал именно тебе убить меня?

– Я тоже хочу ответить себе на этот вопрос, но пока не могу.

– Хочешь сказать, что Гриб может приказать убить человека любой порядочной девушке?

И она не посмеет его послушаться?

– Любой... – выделила это слово Маля, – он не прикажет.

Князев никак не обозначил своего отношения к новости, но Малике показалось, что он до сих пор ей не верил. Она достала из сумочки пистолет и положила его на стол.

– Его мне дал Гриб. Из этого пистолета я должна тебя уложить, но ствол не бросать рядом с твоим трупом. За убийство получу десять штук баксов. Теперь веришь, что я не разыгрываю тебя?

– Десять штук? – переспросил он. – Что-то дешево.

– И вчера тебя возмутила эта сумма, да и меня она озадачила. Думаю, убить тебя приказали Грибу, а он передал эстафету мне.

Князев почесал заросший щетиной подбородок, с сомнением глядя на оружие. Потом перевел глаза на Малику, долго смотрел ей в лицо, и постепенно до него доходило, что ее бред не выдумка. Если бы еще недавно произошло нечто подобное, он был бы уверен, что из него хотят выбить деньги мошенники. Поэтому придумали такой экстравагантный трюк: мол, вас

хотят убить, а мы спасем, только дайте энную сумму – тысяч сто – на мелкие расходы. Но сегодня этой смуглянке нет смысла разыгрывать спектакль, хотя она может и не знать всего, что произошло. Но ему не доставало еще чего-то, чтобы окончательно развеять сомнения.

– Ну и почему ты меня не убила вчера?

– Если бы это был не ты, а кто-то другой, я... думаю, убила бы.

«Миленькое» признание: она убила бы! И это сказала женщина, красивая и молодая. Мир сошел с ума. Может, она влюблена в него, а все эти разговоры с похищением и рисовкой – неудачный способ обратить внимание Князева на себя? Он не удержался от скептической ухмылки:

– И что ж такое есть во мне, что тебя остановило?

– Ты спас женщину, которая тебе была никто.

– Я?! – Сдержанности Князева пришел конец, он просто вытаращился на смуглянку. – Я спас? Ты меня с кем-то перепутала. Не хочу тебя разочаровывать, но женщин я не спасал. Мужчин тоже.

– Я сама с тобой разговаривала, когда...

– Ну-у! – протянул он. – Тебя бы я запомнил.

– Значит, забыл. Это было пять лет назад. Мы остались втроем: я, сестра и мама. Мама заболела, у нас не было своего дома, не было прописки, мы ведь беженцы, а статуса беженцев не получили. Мой отец русский, привез нас на свою родину к родственникам, потом умер... Маме нужна была срочная операция, а времена, когда такие операции делали бесплатно, прошли. Я просила денег у многих, никто не дал, мне посоветовали прорваться к тебе. Это было почти невозможно, но я прорвалась. Когда я стала объяснять, что мне нужно, разревелась, потому что не верила в удачу, а ты был моей последней надеждой. Ты перечислил деньги на счет клиники и сказал, чтобы через неделю я взяла у референта сумму наличными на послеоперационный уход за матерью. За этой суммой я не хотела идти, ведь просила только на операцию. Но пришла. Мне передали конверт, деньги оченьгодились. Мама прожила еще четыре года.

– Не помню, – сказал Князев.

– Как можно это забыть? – изумилась Маля. – Сумма-то немаленькая.

– В год у меня таких, как ты, знаешь сколько бывает?

– И ты никому не отказываешь?

– Ты в своем уме? Я бы по миру с протянутой рукой пошел, если бы всем бабки кидал. Меня трудно обмануть, девушка. Обычно я вижу, кого приперло под завязку, но таких очень-очень мало, и я знаю, кто вымогает. Тебя не помню.

– Зато я тебя запомнила на всю жизнь. Ты дал шанс выжить моей матери, сейчас я даю шанс выжить тебе.

Князев опустил голову и вслушивался в себя. Интуиция никогда его не подводила, хотя, помимо нее, существовал еще и мозг, которым Павел Павлович неплохо пользовался. В этот нелегкий период на него обрушилась еще одна напасть: его заказали, хотя как таковых причин, объясняющих заказ, нет. Именно интуиция подала сигнал, отгоняя всяческое вмешательство мозга: ты висишь на волоске, но тебе крупно повезло, спасайся.

– Где мои сигареты? – подняв голову, спросил Князев.

– Вымокли.

– В машине должна лежать еще пачка, будь другом, принеси.

Маля вышла из сарая, а Князев снова задумался, теперь уже о том, как быть, но после вчерашнего мозг работал как забарахливший двигатель.

Маля пришла, протянула ему пачку, затем зажигалку, потом достала тонкую сигарету из своей сумочки и тоже закурила. Князев пристально рассматривал ее, шуря один глаз от попадавшей в него струйки дыма. Малику же поразило его хладнокровие, но, возможно, это был всего лишь шок, вызванный известием.

– Так... – Князев встал и выбросил окурок в окно, затем повернулся к Малике, скрестив руки. – Ну и как я должен использовать свой шанс?

– Надо подумать. У тебя есть враги?

– Хо-хо-хо-хо! – презрительно вырвалось у Князева нечто наподобие смеха. – С полсотни наберется точно.

– Обычных людей не заказывают, потому что с ними нечего делить, значит, начнем с главного вопроса: кто тебя мечтает убрать с дороги?

– Кто-кто-кто! – пожал он плечами. – Если бы месяц назад меня убрали, я бы еще мог понять...

– А что случилось за этот месяц?

– Я потерял завод. – И неожиданно он заговорил, стиснув зубы и потрясая кулаками: – Мне он достался развалиной, разворованным начисто, рабочие зарплату не получали годами, цехи стояли. Я его поднял с нуля, он заработал на полную мощность. В случае войны в течение суток мой завод способен перестроиться и выпускать вместо комбайнов современные танки. А у меня его нагло отобрали. Теперь я нищий.

– Ты не знаешь, что такое нищета, поэтому не бросайся словами. – В отличие от него Маля была сама сдержанность.

– Сколько у меня времени? – вдруг спросил Князев. – Тебе же назначили срок: убить в начале второй декады или до такого-то числа...

– Не у тебя, а у нас. С сегодняшним тринадцать дней. Допустим, я выторгую у Гриба еще пару дней, итого пятнадцать.

– И что потом? Если ты меня не завалишь?

– Надо подумать, как забрать мою семью и тебе остаться живым. Сиди здесь, раздели знакомых на друзей и врагов. Подумай, кто тебе поможет, а кто утопит. Место тут замечательное, никто тебе не помешает, а я поехала в город.

– Зачем? – встрепенулся Князев.

– Искать своих людей. Не забывай: у Гриба моя сестра и мой муж, а он очень болен. Ну и привезу продукты.

Князев вышел за ней, покосился на бабая, который кашеварил у печки, и спросил, кивнув в его сторону:

– Это кто такой?

– Дядя Костя. Обыкновенный бомж. А это его вилла.

Маля открыла автомобиль, собралась сесть за руль, но Князев придержал дверцу со словами:

– Как тебя зовут?

– Малика. Ударение на последнем слоге.

– Я не глухой. Имя странное...

– Узбекское. Моя мама была узбечкой.

– Поедешь... на моей машине?

– Других здесь нет. Кстати, ты мне ее вчера подарил, – улыбнулась она.

– Я?! Что-то много небылиц ты про меня рассказала: и топился я, и машину подарил...

Я не такой дурак. Привези минеральной воды с газом и сигарет.

– Привезу.

Князев морщился, наблюдая, как неуклюже Маля выезжала с поляны. Когда она уехала, он обвел взглядом окрестности, остановил его на бабае Косте. Тот пробовал вареву, поднося горячую ложку ко рту, подмигнул Князеву:

– Готово! Едрить твою в качель, не уха, а мармелад. Идем, мужик, в дом.

Расстелив мятую газету на столе, Костя нарезал хлеб толстыми кусками, налил в миски ухи, одну аккуратно поставил перед Князевым. А тот следил за руками бабая, в которые наве-

гда влюбилась грязь и оттого не покидала их. Бабай не забыл и соль поставить в коробке, еще бутылку с чем-то мутным, приговаривая:

– Ты похлебай, похлебай. Ушица после этого дела лекарство. – Он снова подхватился, ринулся в угол, где стоял ящик, и достал две кружки. – Налить?

Князев догадался, что добрый бабай делится самогоном. Поморщившись, он отрицательно замотал головой:

– Мэ-э-э.

– Ну, тогда рассольчика попей. – И он указал глазами на ковш.

Князев опасливо заглянул в миску, уха оказалась прозрачной и аппетитной.

К вечеру Маля привезла двоих мужчин. Один был астенического телосложения, лет тридцати, дунешь – рассыплется. Худой, высокий, с впалой грудью, с длинными волосами и длинным лицом, завершающимся козлиной бородкой. Второй – невысокий, коренастый, с круглым лицом простака-дурака, но с хитрющими глазами негодяя, этому было примерно лет сорок, он оказался крепенький, мускулистый, с большими кистями рук. Одеты оба с подчеркнутой небрежностью, первый представился Тетрисом, второй – Бомбеем. Князев к этому времени тоже оделся в мятые брюки и рубашку, пиджак не высох. Маля привезла продукты и главное – картошку, отчего бабай Костя пришел в детский восторг и живенько развел костер. Тетрис и Бомбей подготавливали место для посиделок, а Маля курила в сторонке, будто готовить – не женское дело. Князев, отхлебывая из горлышка минеральную воду, подошел к ней:

– А имена у них есть?

– Ты попал почти на дно, здесь имена не нужны, они забываются.

– Кто эти двое?

– Люди. Без определенного места жительства.

– Бомжи, – закивал Князев. Ну и в компанию попал! – Не похожи.

– Я же сказала, ты угодил *почти* на дно, но не на самое дно. Ты иногда видишь из окна своего автомобиля опустившихся грязных алкашей в груде мусора – они уже ничто, ходячие трупы. Но есть и другой слой бомжей, их обычно по телевизору не показывают. Это те, кто крыши над головой не имеет, но что-то делает, где-то работает и не ходит в рванье. Позже расскажу тебе о них.

– А почему у... дяди Кости нет клички?

– Есть. Чемергес.

– Что она означает?

– Так он называет самогон. Костя хороший, добрый, любит мороженое больше самогона. Скажи, – и Маля повернулась к нему лицом, до этого смотрела на своих приятелей-бомжей, – там, наверху, у вас разве нет кличек?

Князев задумался: а ведь есть. Большой Билл – губернатор, Билка или Белуха – его второй заместитель, гнусная баба; Старьевщик – генеральный директор приборостроительного завода, потому что старый пень и жадюга; Позолоти Ручку – прокурор, получил кличку за любовь к большим взяткам; Бульдог – мэр. И много других кличек. Ну а у Князева производная от фамилии – Князь, что ему льстило, хотя к княжескому роду он никакого отношения не имел.

– Вот-вот, – угадала его мысли Маля, – только у вас клички, как у паханов на зоне. Здесь проще. Идем, нас зовут.

Постелили два одеяла, на газетах разложили еду. Чемергес шаманил у костра, готовя картошку, заодно грыз кусок колбасы и со скоростью центрифуги пережевывал ее, жмурясь от счастья, остальные расселись. Князеву протянули кружку, он нюхнул... М-да, это не коньяк за двести баксов. Но поскольку и Малика приложилась к своей кружке, не станет же он отбрыкиваться, с волками жить – по-волчьи выть. Выпили, поели – все были страшно голодные.

– Давай о деле, Монтана, – сказал Бомбей. – Зачем позвала?

Князев догадался, что Монтана – кличка Малики.

– Гриб приказал его завалить, – кивнула она на Князева.

– А кто он? – не удивился Бомбей.

– Это Князев, – представила Малика.

– Кня?.. Сам Кня?!.

Даже не договорив до конца фамилию, что означало высшую степень изумления, Бомбей глаза вытаращил и жевать перестал. Только Тетрис никак не отреагировал, лишь кинул скупой взгляд из-под редких бровей на Князева и ниже опустил голову. Бомбей наконец обрел дар речи:

– Я балдею! С самим Князевым, считай, на одном одеяле самопал пью! Жаль, фотоаппарата нет, никто не поверит.

– Как раз рассказывать об этом никому не надо, – резко оборвала его Маля.

– Могила! – Бомбей ударил себя в грудь кулаком. Но у Князева эти люди вызывали огромное недоверие. – Значит, надо самого Князя кокнуть... ух ты!

– Гриб забрал Ляльку с Кешей, дал мне срок две недели, – сказала Малика. – Ствол выдал и вызывался помочь, но я от помощи отказалась.

– А чего он к тебе прибодался? – насторожился Бомбей. – У него что, своих мясников нету?

– Спрашивать я не стала, он бы все равно не сказал правду. Думаю, Гриб темнит со мной, поэтому я прошу вашей помощи.

– А он тебе кто? – кивнул Бомбей в сторону Князева.

– Никто. Я ему должна.

– Много?

– Всего-навсего жизнь.

– А-а... – понимающе протянул Бомбей. – И что делать?

– Первое: забрать у Гриба моих и спрятать их, это срочно.

– У, Монтана, куда ты замахнулась, – с сочувствием произнес Бомбей.

– Говори сразу: мне рассчитывать на тебя?

– Базара нет, – дал согласие Бомбей, подняв вверх руки.

– Я знала, – улыбнулась она. – Второе: надо помочь Пал Палычу, но тут я не знаю, что мы можем сделать.

– Ничего, – первый раз за посиделки заговорил Князев.

– Ты, кажется, не понимаешь, – сказала Маля. – На тебя поступил заказ...

– Именно это я очень хорошо понимаю, – усмехнулся он. Слушая новых знакомых, Князев убедился, что интуиция его не обманула, ему крышка. – Не убьешь меня ты, убьет кто-то другой.

– Ты добровольно подставишь лоб под пулю? – спросила безучастно Маля.

– Буду убегать от нее, – с сарказмом ответил он, понимая всю безнадежность ситуации.

– Чтобы убежать от пули, надо знать, кто тебе ее послал, – наконец заговорил Тетрис. Голос у него был высокий и тихий, а когда он говорил, не смотрел на Князева. – Тебя развели, там и ищи посланника.

– Откуда ты знаешь, что меня развели?

– Газеты читаю, выводы делаю. Я умный.

– В газетах такое про меня пишут... сам себя открываю, оказывается – вон я какой страшный. А если серьезно, дело и впрямь хреновое. Странно, месяц назад я действительно был опасен, но сейчас...

– Ты имеешь в виду завод, из-за которого идет война? – спросил Тетрис, закуривая.

– Война закончилась не в мою пользу, – сказал Князев. – Так, остались некоторые формальности...

– Формальности? – переспросил Тетрис. – А не из-за них ли тебя надумали хлопнуть? Есть шанс вернуть твой завод?

Князев поджал губы и опустил глаза. Ощувив полнейшую катастрофу во всей ее красе, он пил беспробудно, забросив дела, послав подчиненных и друзей подальше, пустив на самотек абсолютно все. Он сдался. Сдался потому, что почувствовал себя ничтожным муравьем перед трактором. Но сейчас получил мощную встряску: его заказали. Не ожидал, что кому-то он еще опасен, а о ценности собственной жизни в любом случае нечего и говорить. Конечно же, с тех пор как все сомнения улетучились, Князев искал причины заказа, устранение которых может привести его к спасению.

– Думаю, положение безнадежное... – выговорил он.

– Лапы сложить всегда успеешь, а все же пошевелись, – лениво посоветовал Тетрис. – Тебе повезло, ты знаешь, что тебя надумали хлопнуть. Монтана, тут бабки нужны, и большие.

– А у тебя есть идея, как выпутаться? – спросила Маля.

– Идея всегда появится. Но когда она возникнет, может не хватить времени на ее исполнение, любая идея любит деньги. Гриб – не пижон блатной, поэтому надо запастись ядерной установкой, а она стоит больших бабок.

– У меня ни копейки. – Маля повернулась к Князеву, уж у него-то деньги должны быть. – Я все потратила, что было. На последние бак залила бензином.

– Много надо? – поинтересовался тот.

– Чем больше, тем лучше, – пожал плечами Тетрис.

– Поехали, Малика, – вскочил на ноги Князев.

4

Он ехал быстро, лавируя между выбоинами и ухабами. Угроза стать убитым отрезвила его, оттеснив на десятый план абсолютно все. У него есть две недели, за это время необходимо вычислить «посланника», как назвал Тетрис заказчика, и нейтрализовать его, чтобы не поступил повторный заказ. С чего начинать, Князев уже приблизительно определился – с завода, на котором пока еще он ферзь, если только завод попросту не захватили, как захватывают предприятия, – при помощи вооруженных бугаев. Непонимание раздирало его: он сдался, ушел от борьбы в запой, а его приговорили. Зачем? Завода им мало, нужна еще и его жизнь? Так ведь ему она тоже нужна. Значит, не все на мази у захватчиков, значит, есть где-то прореха, о которой они знают, а Князев не догадывается. Захватчики опасаются, что и он узнает, и тогда выиграет дело, поэтому и решили его смести с дороги. Теперь есть смысл покопаться и найти крючок, который вернет ему завод. А времени мало, всего две недели. Вот какой появился потрясающий стимул для деятельности – его хотят грохнуть, а он не дается и свое вернет. Оказывается, знать, что тебя приговорили, иногда полезно.

– Куда едем? – глядя вперед, спросила Малика.

– Увидишь.

Она искоса взглянула на него и второй раз заметила перемену. Сосредоточенного Князева не колдобины занимали, а мысли, в нем появилось нечто стержневое, трудно объяснимое, пугающее. Она подумала, что такой человек невыносим в быту, так как его настроение напрямую связано с его успехами, хотя, наверное, и успехи не делают Князева мягче.

– Ты уверена в Тетрисе и Бомбее? – осведомился он.

– Я бы не позвала их.

– Тебя никогда не кидали знакомые?

– Кидали. Но у меня есть учитель, который говорит, что на десять негодяев все равно приходится двадцать нормальных людей.

– Кто же этот твой гуру?

– Мой муж.

– Завидую твоему мужу.

– Сейчас ему не позавидуешь.

– Я завидую не его положению, а тому, что рядом с ним верный и преданный друг в лице жены. Это сейчас дефицит. Но все же твоя семья у Гриба, а ты не боишься, что он кинет твоим друзьям по штучке рублей и...

– Не боюсь, – недослушала его Маля. – Во-первых, деньги для них не имеют того значения, что имеют для тебя и многих людей. Им хорошо сегодня, и ладно, есть еда – отлично, выпивка есть – прекрасно, а нет – ну и пусть. Они привыкли так жить.

– А во-вторых?

– Это такие же мои должники, как и я твой должник. Без помощи никому не обойтись, главное – угадать, кому стоит помогать, а кто обойдется.

Ответ удовлетворил Князева, впрочем, у него выбора не было.

– Ты обещала рассказать о Тетрисе и Бомбее.

– Тетрис ушел в бомжи по убеждению. Он окончил институт, соорудил какую-то компьютерную программу...

– Так он в компьютерах шарит?

– Не то слово. Так вот, его вызвали в Москву за дипломом, когда он еще учился в институте, дали подписать какие-то бумажки, подарили компьютер как победителю, а программу продали на Запад. Говорят, эта программа дала толчок к развитию новых компьютерных технологий, принесла миллионные прибыли. Тетрис обиделся и ушел в свободное плавание, где нечего отнять.

– Ничего себе выход! – буркнул Князев, не одобряя поступок хакера. – Ну, Тетрис – кличка понятная, а второй почему Бомбей? На индуса он не тянет.

– Бомбей был преподавателем химии...

– Иди ты! Не сказал бы.

– Да, преподавал химию, между прочим, в институте. Его надули с квартирой, ну, ты, наверное, знаешь: купля-продажа. Квартиру забрали, а денег не дали. Он умеет мастерить петарды, взрывные пакеты, даже бомбы. Первая часть его клички и состоит из «бомбы». А еще он заводной, чуть что не так – кулаками машет. Вот и получается – бомба и бей, то есть Бомбей.

– А кто... Чеме... забыл.

– Чемергес? Дефолт помнишь? Продал он дом, хотел переехать, а тут обвал рубля, за ту сумму, которую он имел, можно было купить только дверь. Мыкался по квартирам, прописки лишился, на работу без нее не брали, деньги кончились. А вообще, он первоклассный водила, как он сам говорит, умеет водить все, что ползает по земле. Не знаю, как тебе, а мне они очень пригодятся.

– Не пойму, компьютерщик тебе зачем?

– Мне не компьютерщик нужен, а голова и руки.

– Осталась ты. Почему Монтана?

Она проигнорировала вопрос, а он не стал настаивать на ответе. У банкомата Князев притормозил, выбежал, сунул карточку... облом. Он вернулся в машину, свесил голову, постукивая пальцами по рулю.

– Что с тобой? – спросила Малика.

– Карточка заблокирована, денег по ней получить не могу, – процедил Князев, заводя мотор. – Вот и доверяй банкам. Ну, ничего, есть еще одно место...

Подъехали к трем высоткам, возвышающимся над жалкими постройками хрущевских времен, как три сверкающие космические ракеты. Эти три дома были надежно огорожены высокой оградой из железных прутьев, во дворе уют, короче говоря, это элитный комплекс для состоятельных людей. Князев остановил машину у подъезда, приказным тоном велел Малике следовать за ним. Они вошли в просторный подъезд, где не было кошачьей вони и других запахов бедности. Пожилая консьержка просунула голову в окошко, заискивающе предупредила:

– Ваша жена дома, Пал Палыч.

– Спасибо, – нажимая на кнопку лифта, буркнул он.

Лифт доставил их на седьмой этаж тихо и незаметно. Князев своим ключом открыл замок и распахнул дверь перед Маликой. Она попятилась.

– Может, не стоит?

Он без слов схватил ее за руку и втолкнул в квартиру. Маля в первый момент обомлела, оглядывалась, будто попала в стеклянное царство. Очутилась она в огромной зеркальной прихожей, разделенной на секции, за стеклянной стеной был вообще гигантский зал с диванами, вазами невероятных размеров, картинами, причудливыми светильниками. Она подумала: здесь живут боги.

– Идем, – бросил ей Князев, отодвигая стеклянную секцию. Маля начала было снимать туфли, но замерла, как от удара, а это всего-навсего рявкнул Князев: – Не разувайся!

Она быстро сунула ступню в туфлю и вошла в зал, оглядываясь назад – не оставила ли грязи после себя на сверкающих полах. Князев ступил на лестницу, взялся за перила, но его остановил женский голос, от которого Маля, попавшая в исключительно непривычную обстановку и растерявшаяся, вздрогнула:

– Наконец-то! Боже мой, на кого ты похож? Где тебя носило? Телефоны обрываются, а... Кто это?

Князев сошел со ступеньки и медленно, с остекленевшим взглядом повернулся. Посреди зала в окружении трех диванов и ваз стояла дива явно божественного происхождения. Ее изящный стан окутывала легкая ткань до пят, рассыпанные по плечам волнистые волосы отливали золотом, а лицо... В представлении Малики это была звезда, достойная обложки журнала. Она неслышно приближалась к Малике, и брови звезды сходились в одну грозную линию. Подойдя почти вплотную, с головы до ног бесцеремонно и брезгливо оглядела Малику, потом задала тот же вопрос, но требовательно, четко разделив его на два слова:

– Кто? Это?

Оставив жену без ответа, Князев вновь схватил Малику за руку и потащил ее наверх, за ними бежала дива:

– Кого ты притащил в наш дом? Назло мне, да? Где ты ее подцепил? Павел, я тебя спрашиваю!

Князев был глух и нем, он привел Малику (судя по кровати невероятных размеров) в спальню и бросил. Она совсем сконфузилась, прилипла спиной к стене и думала: неужели здесь спят? Однако голос жены Князева, постепенно переходивший в далеко не божественный крик, и здесь долетал до нее:

– Павел, в чем дело? Почему ты молчишь?

Князев выудил из шкафа чемодан, бросил его на кровать.

– Я хочу знать, зачем ты привел в дом эту девицу?

Он раскрыл шкаф и кидал в чемодан различные вещи.

– Ты хоть видел ее при свете? На ней же клейма негде ставить...

Князев ринулся к жене, Малике показалось, что он хотел ударить ее, и она непроизвольно втянула голову в плечи. Но он всего лишь сказал жене внушительно и тихо, предупредительно выставив указательный палец:

– Замолчи.

Вернулся к шкафу, взял два костюма и рубашки, отдал Малике прямо с плечиками, та прижала их к груди.

– Павел, ты помешался? Пропадаешь по несколько дней неизвестно где, потом приводишь в дом какое-то чучело с панели!

Князев вернулся к своему занятию, но теперь кидал с яростью в другой чемодан свитера, белье, полотенца.

– Что ты делаешь? – Ни слова не говоря, он вышел, жена помчалась за ним. – Ты что, уходишь? Куда? Да скажи хоть слово, черт тебя возьми!

Маля вжалась в стену и кусала губы, не зная, что делать. И это она не знала! Она, побывавшая в самых паршивых ситуациях, какие мало кому снились! Тем временем жена Князева заскочила в спальню, остановилась напротив нее, подбоченившись, и свирепо процедила:

– Откуда ты взялась? Кто ты такая?

Она с трудом сдерживалась, чтобы не выцарапать «чучелу с панели» глаза. Оскорблений Маля наслушалась вдоволь, хотя понять жену можно, однако есть же и предел. Малика с вызовом произнесла:

– Я команду шестым американским флотом.

– Оно и видно, – высокомерно сказала та. – Обслуживаешь весь флот?

Это уже беспредел! Маля наградила ее ответным презрением:

– Озин джалаб³.

– О, понятно... – протянула жена. – Если думаешь, что подцепила местного Рокфеллера, то глубоко ошибаешься. У него ничего нет. Он безработный.

– Мне сойдет и такой, лишь бы мужик был, – включилась в игру Малика.

Вернулся Князев с кейсом и непонятными предметами, которые придерживал подбородком. Он уложил ноутбук и какие-то мелочи в чемоданы, застегнул «молнии», бросил Малике:

– Пошли.

– Как ты можешь? – бежала за ними жена. – У нас дочь...

– Где Фрося? – остановился он на лестнице.

– Хватился, папочка! – разъярилась жена. – Ее забрала твоя мама. Недоставало еще, чтобы ребенок видел тебя такого! Почти алкоголика. С этой... чуркой!

– Замолчи, – повторил он сквозь стиснутые зубы.

Князев спустился вниз, поставил чемоданы на пол и ринулся к бару, взял несколько бутылок и уложил их в чемодан, опустившись на колено.

– Ты променял меня на эту? – нависла над ним жена, указывая пальцем на Малику. – Она же цыганка! Или того хуже – шахидка!

– Да, променял, – выпрямился Князев, он был спокоен, будто не ему закатывали скандал. – Но ты же этого и добивалась. Забыла, что говорила? Я неудачник, ни на что не гожусь, ничтожество. Меня склоняют все газеты, тебе стыдно выйти из дома. С таким жить – ронять себя. Я освобождаю тебя от себя.

– Павлик, – залепетала она, – ты не понял... я же хотела тебя встряхнуть, это не значит, что я так думаю...

– Надо было думать, Галчонок. Ты ударила меня в самый неподходящий момент, когда мне нужна была твоя поддержка. Такое не прощается. – Он взял телефон, набрал номер. – Ты хотела квартиру? Она твоя... Алло, Клим?... Тихо, тихо, завтра буду. Ты говорил, кто-то облюбовал мою машину... Поговори с ним, я ее продам. Ну, за сколько... не за пятак, конечно. Срочно продам. Бывай.

– Павел... а что мне делать? – дрожащим голосом произнесла Галина. – Как я буду платить за квартиру? А домработнице? А...

³ Сама ты шлюха (узбек.).

Он достал из кармана купюры, часть их кинул на диван:

– Это на первое время. Иди работать и научись экономить.

Сунув кейс Малике, он схватил чемоданы и вылетел вон. Вслед неслись угрозы:

– Ах, ты так? Хорошо, я тебе устрою! Ты меня запомнишь!

Консьержка приподнялась на стуле, чтобы лучше видеть Князева и его спутницу, заметила чемоданы:

– Пал Палыч, вы уезжаете? Когда вернетесь?

– Никогда, – зло бросил он, открывая перед Маликой дверь.

Помчались назад, быстро проскочили город, к «вилле» Чемергеса ехали не торопясь – Князев постепенно успокаивался. Тут-то Маля и задала вопрос, давно волновавший ее, мало того, возмущавший:

– Зачем ты взял меня с собой?

– Ты была сдерживающим фактором, без тебя я выкинул бы Галку в окно и сел бы в тюрьму.

– Сколько лет вы женаты?

– Семь. Были женаты.

– Ничего, помиритесь, ссоры у всех случаются.

– Это не ссора, а принципиальная позиция. Хватит об этом.

Маля пожалала плечами, дескать, мне все равно.

Электричество на «вилле» не было предусмотрено, посему поляна освещалась двумя кострами. Князев и Малика вызвали бурю радости у граждан свободы, особенно когда он достал бутылку дорогого коньяка. Чемергес даже руками всплеснул несколько раз, заулыбался во весь щербатый рот:

– Ни разу такой не пробовал. А у меня картошечка спеклась.

– Но-но, полегче. – Маля вырвала бутылку из руки Князева. – Вы обещали помочь мне. Все, с пьянками завязываете. Это я вам говорю.

– Монтана, ну по чуть-чуть, – канючил Бомбей. – Мы ж не побежим завтра Гриба пресовать?

– Только губы смочить, – закивал Чемергес.

– Ладно, – сжалилась Маля. – Давайте тару.

Она разлила совсем понемногу, закрутила пробку и отнесла бутылку в машину. Все, кроме Князева, озадаченно смотрели на дно кружек – действительно, только губы смочить. А пили, будто налито по половине, проглотив, замерли, вслушиваясь в себя, наконец Чемергес медленно выдохнул:

– У-у-у... Нектар, едрить твою в качель. Но я не распробовал!

Его умоляюще-просящий взгляд Маля проигнорировала, села на одеяло и взяла из груды печеной картошки одну. Князев пристроился рядом с ней.

– Мы тут пораскинули мозгами... – присаживаясь на второе одеяло, начал Тетрис. И тоже взял картофелину, принялся есть ее прямо с обуглившимся слоем, обильно посыпая солью.

– И что? – наклонила голову Маля, выдавая нетерпение.

– Налей еще, скажу, – протянул он кружку, Чемергес и Бомбей протянули свои.

– Вымогатели. – Но она знала их и сходила за бутылкой. – Попробуйте только завтра заикнуться, что голова трещит.

Бомбей, одобрительно крякнув, разлил, они выпили.

– Вот теперь разобрал! – воскликнул Чемергес, а рожа при том у него довольная была... – Уй, хорошо! От нектара голова не трещит. Ну, давай, Тетрис.

– Скажи, Князев, – обратился тот к залетному, – ты своего заказчика вычислишь за две недели?

– Попробую, – неуверенно сказал он. – Но боюсь, это нереально.

– Так вот, Монтана. Как только ты заберешь своих, скажем, через тройку дней, Князеву наступит крышка.

– То есть? – не поняла она.

– Ты же не собираешься просить Гриба: отдай сестру и мужа, так?

– Естественно.

– Значит, будешь забирать обманным путем, возможно, тебе придется идти на крайние меры. Гриб и те, кто его послал, поймут, что ты не собираешься стрелять в Князева. Тогда пошлют на него другого мясника и заодно на тебя, потому что ты, как говорится, слишком много знаешь, не выполнила договор, а пошла наперекор.

– Я не подумала об этом. Кстати, у меня есть большие сомнения, что Гриб выполнит наш договор.

– У меня они тоже есть, – ухмыляясь, сказал Бомбей.

– А в чем дело? – включился в разговор Князев.

– Пять лет назад ей удалось вывернуться из-под лапы Гриба, – вместо Малики ответил Бомбей. – А он никого не отпускает, кто к нему попадает. Но у Монтаны смертельно заболела мать, до ее болезни отец умер, в общем, Маля послала Гриба, и тот пошел. Потом Монтана ездила на операцию, потом выхаживала мать... короче, получилось, что она легко отошла от дел. И вдруг Гриб вспомнил про нее... Неспроста это.

Малика задумалась, опустив голову и сведя брови, она механически выдергивала из края одеяла нитки, курила. Князев тоже курил и, мягко говоря, находился в упадке – не было уверенности, что он выйдет победителем из этой ситуации.

– Надо, Монтана, потянуть время, насколько возможно, – сказал Тетрис, поглаживая козлиную бородку. – И придумать обманку, чтобы попробовать забрать Ляльку с Кешей мирным путем. Ну а если не получится, тогда идти на крайние меры. Давайте сейчас все просчитаем, а то потом поздно будет.

– Нельзя тянуть, – возразила с жаром Малика. – Ты представляешь, что они там чувствуют? Надо думать, как быстрее вытянуть моих.

До полуночи выдвигали варианты, просчитывали, чем тот или иной лучше, где имеются слабые места. Очень помог Бомбей, стараясь видеть планы спасения глазами Гриба, он знал его неплохо. В конце концов набросали сценарий, потом мужчины разместились в сарае, а Малике предоставили машину.

5

Князев проснулся рано. Заснешь тут, когда жить осталось считанные дни! Он спал на нарах как гость, а Бомбей, Чемергес и Тетрис разлеглись на полу, подстелив тряпье и накрывшись чем попало. Князев разглядывал сопевших бомжей, думая: занесла же нелегкая судьби-нушка капиталиста в бомжатник. Но эти люди будут спасти семью Малики, заодно должны помочь и ему. План-то они придумали, а как на самом деле все повернется – вряд ли даже Господь Бог знает. В сценарии главное место отвели ему, Князеву, потому что он и должен найти заказчика, от этого зависит его собственная жизнь, а также судьба Малики и ее семьи.

Стараясь не шуметь, Князев вышел на воздух. Было свежо, над прудом клубился туман, солнце еще не взошло, тем не менее уже рассвело. Князев зашел в пруд по колено, умылся, плеснул водой на грудь. А полотенце осталось в багажнике, не вытираться же половой тряпкой Чемергеса. Осторожно, чтобы не разбудить Малику, он открыл багажное отделение и, вытираясь полотенцем, рассматривал спящую девушку, которую так и не вспомнил.

Маля устроилась на разложенных сиденьях, видимо, спала беспокойно, потому что простыня сбилась. Будто подтверждая, что сон ее тревожный, она перевернулась на живот, подогнула одну ногу, одеяло сползло почти полностью. В отличие от бомжей и Князева, спавших в

одежде, она улеглась в одних трусиках. Формы (особенно сзади) точеные, кожа гладкая, словно ее полировали, при всей округлости нет ни грамма жира. В другой бы раз в голове Князева заиграли пошлые мысли, а то и нагло полез бы внутрь, мол, вот он я. Но в это раннее утро он рассматривал изгибы смуглого тела, будто это не женщина, а нечто недосыгаемое. Он смотрел и думал: кто же тогда водил его рукой – интуиция или ангел-хранитель? Кто из них чувствовал, что через несколько лет ему вернут милостыню во много крат больше, предоставив шанс выжить? Он предупрежден, значит, у него не один шанс, а несколько, нужно только верно, без ошибок распорядиться знанием.

Князев натянул брюки, свитер, багажник лишь слегка прикрыл, чтобы не шуметь. Сев около вчерашнего кострища, он положил локти на колени и смотрел вдаль, как, наверное, смотрят воины перед смертельной битвой. Именно сегодня ему предстоит вступить в схватку, вступить одному, не рассчитывая на друзей. К сожалению, для тех, кто его окружает, деньги имеют большое значение, следовательно, кого-то можно купить. Князев должен профильтровать каждого, прежде чем довериться, – сценарий требует помощников.

Открылась дверца автомобиля, на землю ступили босые ноги, затем появилась и Малика, потянувшись, подняв вверх руки... Князев убедился, что и спереди у нее полный порядок. А ведь ей приказано убить его, что никак не укладывалось в голове. Кто она? Не кисейная барышня, это уж точно, а кто же тогда? Князев выбрал риск, значит, надо довериться Малике и ее бомжам. Ошибется – так ему и надо. Она заметила наблюдателя, ойкнула и спряталась за дверцей. Через пять минут подошла:

– Нехорошо подглядывать.

– Я смотрел, а не подглядывал, – не смутился он, впрочем, Князев никогда не смущался, но других смущал, и ой как.

Малика ушла умываться к воде, из «виллы» в стиле сарай поочередно потянулись к пруду бомжи. Тетрис окунулся, Чемергес лишь плеснул один раз в лицо водой и утерся рукавом, а Бомбей умывался основательно, кряхтя и фыркая. Расстелили одеяла, позавтракали тем, что осталось от ужина.

– Бомбей, стволы с обоймами достанешь? – спросила Маля.

– Ну, так... – развел он руками, мол, нет проблем. – А бабки?

– А, да! – вспомнил Князев, сбегал к машине и вернулся, бросив на одеяло две пачки: долларовую и с евро. – Этого хватит?

– Инвалюта! – обрадовался Чемергес. – Дайте поглядеть.

Он схватил пачки, пролистнул, понюхал.

– Ты что, никогда не видел? – не верилось Князеву.

– Где ж мне их видеть? – любовался купюрами Чемергес. – Один раз нашел тысячу рублей. Ух и погуляли!

– А пару автоматов? – пристала Маля к Бомбею.

– Цен не знаешь? – фыркнул Бомбей. – Тут только на пистолеты.

– Деньги будут, – пообещал Князев и вдруг снял часы. – Возьми. Они стоят семнадцать штук зеленых.

– Сколько?! – в унисон спросили Бомбей и Чемергес, едва не упав замертво.

– Продать сможешь? Ну, хотя бы за десятку?

– Не, – отвел его руку Бомбей. – Меня с часиками этими упакуют. Да и кто их купит? Семнадцать штук... на одной руке! Хе-хе!

– Тогда пообещай оружейникам, что за все расплатимся.

– Там в долг не дают, только за наличку.

– Ну, пусть приготовят, – надевая часы, сказал Князев. – Как появятся деньги, отдадим. Все, мне пора.

Он переделался в костюм, надел галстук, потом позвал Тетриса и протянул ноутбук:

– Держи. Вспомни на досуге.

– Мне нечего вспоминать, – не взял тот. – На даче у одних сторожем служу, ремонтировал там комп не раз, они разрешают им пользоваться, когда их не бывает.

– Тем более. У меня есть кое-какие идеи, без тебя не обойдусь. Только не знаю, на сколько часов его хватит, здесь же негде подзарядить.

Тетрис осторожно взял компьютер, а когда Князев сел в машину, Малика открыла вторую дверцу:

– Мы с Бомбеем тоже едем.

Бомбей развалился на заднем сиденье с барским видом:

– Сам Князев меня повезет. В чем дело, шеф? Трогай!

Ухмыльнувшись, Князев рванул с «виллы» Чемергеса. Когда въехали в город, Малика попросила его остановиться.

– А как назад доберешься? – поинтересовался Князев, притормозив.

– На автобусе до окраины, моя «Ока» сломана, дядя Костя обещает ее починить. А там пешком дойду, привычное дело.

– Время надо экономить. Мобильник есть? Напиши номер, в моей трубке батарея давно села, не заряжал, чтобы на звонки не отвечать. – Он поехал дальше. – Приедем к заводу, забереши машину. Я позвоню, когда подъехать за мной. Да, вот еще... – Ведя авто одной рукой, Князев протянул купюры Малике. – Бери, открой в банке счет на свое имя. У остальных, я так понял, мобильных нет?

– Нет, конечно.

Подъехали к проходной, а за оградой... тьма народу. Князев с минуту не выходил из машины, смотрел туда, куда ему предстояло зайти. Но наконец вобрал в себя воздух, резко выдохнул, как перед прыжком в пропасть, и вышел.

Маля и Бомбей глядели, как он идет к воротам, неизвестно откуда на него напали журналисты. Князев, делая отрицательные жесты руками, прошел на территорию завода. Толпа ринулась к нему, окружила.

– Тяжело ему, – посочувствовал Бомбей.

– Нам тоже, – отъезжая, сказала она.

Картина, виденная много раз по телевизору, в кино и в репортажах, предстала глазам Князева. Обширный двор не вмещал всех, люди сбились в кучу, плотно прижавшись друг к другу, многие забрались куда только можно, чтобы лучше видеть. Они с напряженными лицами, с отчаянием и решимостью в глазах ждали от Князева такой же решимости. Перемены – всегда плохое время – это знали все, за переменами грядут увольнения, неуверенность и безнадежность. Эти люди несколько дней держали оборону (без него!!!), не пуская на завод чужих, – это Князев знал из передач по телевидению. Не новая картина, но раньше он не представлял, что когда-нибудь она станет его болью, возможно, его смертью. Ему было стыдно, что он всех бросил, но Князев смело направился в гущу людей, которые наперебой галдели, а навстречу сквозь толпу к нему протискивались охранники и замы. Здесь никто не собирался его убивать, только хотели знать, чего им ждать.

– Тихо, тихо! – Князев поднял руки, и первые ряды замолчали, но там, подалее, все еще шумели. – Не волнуйтесь, все будет в порядке, идите по своим местам. Продолжим работать.

– Зарплата будет? – раздалось из толпы.

– Сегодня, – пообещал Князев. – Во второй половине дня.

Охранники с замами прорвались к нему, Князев не стал больше говорить, быстро прошествовал уверенным и широким шагом через образовавшийся коридор к административному зданию завода.

– Пал Палыч, счета арестованы, – поспешая за ним, говорил его зам Колчин. – Как собираешься выдавать зарплату?

– Из черной кассы, – бросил через плечо Князев.

– А потом как отчитаешься, откуда взял деньги? Нас же пасут...

– Потом будет потом, – ответил Князев. Может, ему вообще не придется отчитываться, разве что перед господом. – Все, кроме управленческого аппарата, должны получить зарплату. Это наш тыл, который заинтересован в том, в чем заинтересованы и мы с тобой.

– Денег может не хватить...

– Зайдем! – гаркнул Князев. – И точка. Клим! – Он не обернулся, знал, что тот в свите сзади. – Вызови адвокатов. Срочно. И документы на стол.

Князев ворвался в кабинет, распахнул створки окна и ослабил узел галстука – давил его до удушья. Потом подключил зарядное устройство к мобиле и упал в кресло, расслабился, но не настолько, чтобы мозги отключились, а чисто физически. Времени практически нет, а надо узнать все, чего он не знает. Князев определил пять направлений поиска, вернее, направление было одно, а от него шли четыре ветви.

Основное направление – это компания «Форсинг», которая с успехом поглощает завод. Нельзя отмахиваться от истины: тот, кто хочет получить, устраняет того, кто не хочет отдать. А «Форсинг» намерен оттяпать крупный завод. В компанию пробраться нет возможности, хотя на все, как говорится, воля Божья. А вот ветви, которые неплохо бы обрубить, могут привести к цели.

Первая ветвь: это адвокаты. Если «Форсинг» опасается, что Князев нечаянно узнает то, чего не знает, значит, это, скорей всего, есть в деле. Как его адвокаты пропустили крючок? Букв не знают? Тогда зачем нужны юристы, которые не умеют читать? Второй вариант – их перекупили, в таком случае они топят Князева. Безусловно, юристы не станут заказывать генерального директора, закрыть ему глаза на веки вечно выгодно только «Форсингу».

Вторая ветвь: близкое окружение, имеющее отношение к руководству заводом. Не исключено, что кто-то его предал и дал в руки компании карт-бланш, разумеется, не бескорыстно, поэтому «Форсинг» не сделала ни одного просчета, а Князев как раз отличился тем, что лопухнулся. В этом варианте убийство Князева обеспечит полный ажур с двух сторон, то есть и предатель останется чист, и компания получит завод.

Третья ветвь. Уголовная среда, которая знает, кто и за что хочет поплакать над гробом Князева. Простым пешкам не закажут завалить ферзя, значит, эти ребята из высшей масти. Криминальную среду берет на себя Бомбей, он выступит в качестве резидента, Малика и Тетрис должны ему помогать.

Четвертая ветвь. Губернаторская стая чаек. Князев никогда не любил чаек, «летающих над синим простором в свободном полете», как пишут хреновые поэты. Летают-то они над простором, и полет у них свободный, а дерутся из-за каждого куска, как последние рвачи, не брезгают и мусорными свалками. Вожак стаи пассивно отнесся к тому, что завод переходит в чужие руки, значит, у него есть свой расчет.

И выходит, предстоит война с целым миром. Что же, Князев готов: умирать – так под фанфары, пощекочет он им всем нервишки.

Вошел Клим – первый заместитель и близкий друг. Без друзей нельзя строить дело, но и с ними надо держать ушки на макушке в такой нелегкой ситуации. Климу тридцать два, как менеджер он показал себя с лучшей стороны, а за пределами завода он бабник. Ну, это еще не грех, тем более что Клим не женат, женщинам он нравится из-за черных глаз, спортивной фигуры и купюр в кармане. Он положил на стол внушительную стопку бумаг, которую Князев придвинул к себе.

– Знаешь, что тут без тебя творилось? – не сдержался Клим, перейдя на рык. – У меня три новости.

– Начни с хорошей.

– Все плохие. Мы неделю оборонялись, приезжали нас захватывать, спасибо рабочим – не допустили, из огнетушителей поливали захватчиков.

– Ну, это неплохая новость, – сказал Князев.

– Вторая – счета, это ты уже знаешь...

– На каком основании арестованы счета? – спросил Князев спокойно.

– Обеспечительная мера по делу! – возбужденно потряс руками Клим. – Для того чтобы впоследствии возможное решение суда было исполнено, арбитраж может до начала судебного процесса наложить обеспечительные меры. Например: арест имущества, арест денежных средств на счетах, запрещение совершать какие-либо действия. Для чего это все: если у тебя к моменту вынесения решения не окажется своих денег или имущества, которое можно реализовать и за счет которого произвести взыскание, последнее будет производиться за счет арестованных денежных средств или арестованного имущества. Кроме того, производятся проверки, ищут повод, чтобы завести на тебя уголовное дело.

«Что за народ? И убить меня хотят, и в тюрьму посадить. Выбрали бы что-нибудь одно», – подумал Князев, а вслух сказал:

– Ну-ну, пусть ищут. Третья?

– В Москве напали на Захарчука. Избили якобы хулиганы, забрали мобилу, деньги, паспорт. Ты же понимаешь, что это не случайное нападение?

Захарчук был представителем Князева в московской штаб-квартире. Какие уж тут случайности, когда речь идет о промышленном предприятии?

– Ты что-то говорил насчет моего автомобиля? – вспомнил Князев.

– Говорил. Вечером в «Абсолюте» предложено обсудить условия.

– Кто покупатель?

– Ляпа. Ты еще думаешь о продаже машины, когда вокруг такое творится?

Ляпа – первый зам мэра по фамилии Ляпунов. М-да, права Малика: клички, как у паханов.

– Я на мели, – небрежно оправдался Князев. – Мой счет тоже перекрыт, а кушать хочется каждый день, поэтому расстаюсь с автомобилем.

– Слушай, Паша, мне звонила Галка... Что ты там устроил? Галина плакала, говорила, ты привел шлюху с панели...

– Она не шлюха, я полюбил ее с первого взгляда.

– Мне хоть не заливай про первый взгляд, – состроил кислую мину Клим. – Полюбил он! Твоя любовь распространяется только на продукцию, которую мы выпускаем, и на прибыли. Зачем Галочка обижаешь? Кстати, основной продукции нет уже неделю, мы терпим убытки... вернее, мы по уши в дерьме.

– И бюджет потерпит убытки, – мстительно усмехнулся Князев.

– Пал Палыч, – послышался голос референта. – Адвокаты пришли.

– Зови.

В кабинет внесли свои целомудренные фигуры, окутанные достатком и достоинством, Гнедина и Явкин. Ей да-авно за сорок, но она думает, что сохранила прелесть детородного возраста, посему кокетничает с Князевым вовсю. Явкину за полтинник, он под два метра ростом и столь же в объёме, свойский мужик, но не со всеми. Князев всего этого раньше почему-то не замечал. Он оперся спиной о спинку кресла, обхватил лоб пальцами, поставив локоть на подлокотник, и, дождавшись, когда вошедшие усядутся, напрямую спросил:

– Скажите откровенно, у нас есть шанс выиграть арбитраж?

– Не буду, Пал Палыч, вас обнадеживать... – начал Явкин.

– В таком случае, господа, благодарю за работу. Мы вас наняли, потому что наш юротдел не справился с поставленными задачами. К сожалению, вам тоже это дело оказалось не по зубам. Договор расторгаем, вы свободны.

У господ адвокатов вытянулись лица, а Клим покраснел и взмок.

– Но мы обязаны провести дело в арбитраже... – вымолвила Гнедина растерянно, что было нехарактерно для юристов ее ранга.

– Дело проиграно, зачем же зря утруждать? – беспечно сказал Князев. – Гонорар вы получили, у нас претензий к вам нет, вы можете заняться другими делами. Прошу прощения, больше уделить вам времени не могу.

Пара ушла весьма озадаченная. Клим подпер щеку ладонью, пристально смотрел некоторое время на Князева, потом дал совет:

– Сходи к врачу.

– Зачем? У меня даже насморка нет. Надеюсь, ты придешь на встречу с Ляпой?

– Приду. – Клим поплелся к выходу, будто прибитый дубиной, но, открыв дверь, обернулся. – У меня есть знакомый хирург, он вырежет тебе все, что мешает думать.

Едва Клим закрыл дверь, Князев взял мобильник:

– Марта Ивановна? Это я, Павел. Мне нужна ваша помощь, и срочно... Не по телефону. Сейчас приеду.

Садясь в служебный автомобиль и заметив нового водителя, он поинтересовался у охранника, который тоже сел в машину:

– А где Фомич?

– Заболел.

– Ой, я совсем забыл... – Князев стукнул себя кулаком по лбу. – Мне же надо... Поездка отменяется, вы свободны.

6

До адвокатской конторы он добрался на такси, сделав обманный маневр и выйдя из другой проходной. По пути поменял доллары на рубли. Марта Ивановна, давний друг семьи, пожилая адвокатесса с седыми, красиво уложенными волосами и прокуренным до печенок голосом, выслушала его внимательно, от нее он ничего не скрыл, лишь попросил матери не говорить.

– А ты подумал, как она отреагирует, когда ей все станет известно из тех же газет?

– Я позабочусь об этом, а от вас жду помощи. Хуже будет, если меня убьют.

– Это верно. Что ж, Паша, я, может, старая дура, но ты мне не чужой. Так, – перешла она на деловой тон. – Милицию беру на себя, без нее не обойтись. Есть у меня один приятель – любитель авантюры. И следователя я найду, в конце концов, это прямая обязанность прокуратуры. Но с заводом... Паша, у тебя были лучшие хищники адвокатуры, – покачала она головой.

– Мне нужен не хищник, а человек. Есть такой, со здоровыми амбициями, толковый, дотошный и не продажный, которому главное – сделать себе имя?

– Ну, есть у меня подобный... так ты же откажешься.

– Не откажусь, потому что терять уже нечего.

– Раз борешься, значит, есть что терять. Сейчас позову, – со странной интонацией сказала она, тяжело поднимаясь.

И привела... девчонку! Смазливую, с серьезной мордашкой, высокую девчонку. Тут уж у Князева вытянулось лицо, как у пары адвокатов, он с недоумением покосился на Марту Ивановну, которая предложила вошедшей:

– Садись, Наташа. Нужно помочь Пал Палычу... – Кратко обрисовав положение, она объяснила Князеву: – Наталья специализируется по делам подобного рода три года. Конечно, такого крупного дела у нее еще не было, со своей стороны и я могу предложить помощь, хотя

я никогда не защищаю друзей, ты знаешь. Но ситуация нехорошая, поэтому я соглашаюсь. Устраивает?

– Устраивает, – кивнул он, подумав: была не была.

– Паша, я не обещаю, что...

– Понял. Нужно, чтобы о вашем участии никто не знал.

– Это невозможно, – сказала Марта Ивановна. – Нам придется ознакомиться с делом, которое находится в суде, значит, до тех граждан, кому надо, обязательно дойдет, что ты не сдался, а нанял других адвокатов. Это насторожит их.

– Мне нужно выиграть время, успокоить захватчиков, расслабить их, пусть заранее празднуют победу.

– Марта Ивановна, – заговорила Наташа, – если я одна пойду знакомиться с делом, мое участие всерьез не воспримут. А вы открыто подключитесь на последнем этапе, так сказать, явитесь сюрпризом из табакерки.

– Ой, – передернула плечами та, – ну и заговор мы затеваем. Времени маловато, конечно. Давай твои документы, Павел, будем сидеть ночами.

– Дамы, это вопрос моей жизни и смерти, – шутливо сказал Князев, бросая стопку бумаг на стол. – Между прочим, если удастся выиграть, вы станете звездами первой величины и главными хищниками, ну и получите очень большой гонорар. За дело?

Он просидел над бумагами с новыми адвокатами до вечера, предварительно позвонив Малике и сказав, когда и где ей нужно быть, причем в нарядной одежде. Из адвокатской конторы он вышел в полшестого, направился к своему автомобилю. Малика уступила ему место за рулем, вскользь оглядев ее, Князев осведомился:

– Это твоя нарядная одежда?

Платье темно-синего цвета, купленное на дешевом рынке, ей шло, но не соответствовало тому месту, куда собрался повести ее он, и отведенной ей роли. Князеву предстояло разыграть гуляку, которому море по колено. Взглянув на часы, он произнес, разворачивая машину:

– Время еще есть.

И привез ее в дорогой магазин, с хозяйкой которого был знаком, однако держался с ней чуть свысока. Князев попросил, небрежно указав на Малику, подобрать ей вечерний наряд, при этом обмолвился, что они спешат. Оглядев клиентку, та одобрительно закивала:

– Фигура великолепная, но не стандартная. Идемте.

Не теряя времени, он позвонил Климу, договорился, чтобы тот сделал заказ на четверых. Затем позвонил Колчину, назначил на утро следующего дня пресс-конференцию с любимой прессой, а во второй половине дня – совещания.

– Паша, немного поздно собирать пресс-конференцию, – сказал Колчин, – журналисты не успеют...

– Это их проблемы, – прервал его Князев. – Что с Фомичом?

– Почувствовал себя плохо. Голова закружилась, сердце сдавило, тебя не было, и я отпустил его домой. Он на больничном.

– Откуда новый водитель?

– Я без понятия. Отбор для тебя делает Ермак.

Клички, клички... есть еще Ермаков – Ермак – начальник безопасности, естественно, он всегда в курсе дел Князева, тоже друг, как и Кол. Как же отфильтровать всех, прежде чем выбрать помощника? На это нужно время, а его практически нет.

Малику затанули в лилово-сиреневое платье до пят, с большим вырезом, в тон подобрали туфли, ко всему прочему, и сумочку вручили без ремешка. Князев одобрительно присвистнул, увидев ее, хотя скованность Малики бросалась в глаза. Но когда он начал отсчитывать тысячные купюры, она схватила его за руку:

– Чем тебе не нравится мое собственное платье?

- Оно не годится, – кратко ответил Князев, выдернув руку.
- Тратишь деньги на какие-то тряпки, а нам они нужны...
- Денег хватит, – огрызнулся Князев. – И запомни: со мной не спорят.

Малике вручили фирменный пакет, куда она сложила свою одежду, но к машине ей пришлось семенить, по-идиотски подпрыгивая. Князев шел быстро, надо было поспевать за ним, а широко шагать, несмотря на пластичную ткань, не позволяла узкая юбка. Маля села, сначала уместив зад, потом забросила ноги и выругалась с типично восточным темпераментом:

– Черт! В этом же ходить нельзя! Я буду выглядеть неповоротливой гейшей! И это тряпье стоит таких бешеных денег?

С не меньшим темпераментом Князев сорвал машину с места – Маля невольно прикусила язык.

Клим ждал их, сидя за столиком. При виде патрона с незнакомкой у него глаза поползли на лоб, да так и остались там, пока Князев не усадил даму, не сел сам. Дама искала, куда деть сумочку (ремешка же нет, чтобы повесить на спинку стула), потом придумала: сунула ее под зад.

– Это Малика, моя подруга, – представил ее Князев.

– Очень приятно, – вымолвил Клим, тараща растерянные глаза на его подругу. Мелкие грешки у Князева случались, но чтобы так открыто появляться с женщиной – такого за ним еще не водилось. – А меня зовут Клим... Пардон, известие для меня неожиданное... Вы давно?..

– Третью ночь, – Князев догадался, что за вопрос вертелся на языке друга. Клим не уловил в его тоне ни вызова, ни шутовости, ни других оттенков, говорящих о несерьезности откровенного заявления. Павел Павлович налил Малике вина, себе и заму коньяк. – Где же Ляпа?

– Ты обещал не пить, – напомнила Маля.

– Не бойся, Малика, до того состояния, в каком ты меня подобрала, я больше не напьюсь. Человек пьет, когда ему плохо, а мне сейчас хорошо.

– Лучше не бывает, – скептически буркнул Клим. – А где вы его подобрали?

– У ресторана, – ответила Маля, отпивая из бокала. – Ну и кислятина.

– М-да... – качнул головой Клим и оживился. – Идет.

Ляпунов, достигший больших высот скачками, как кенгуру, перепрыгивая препятствия, притом не брезгуя ничем, держал в руках бюджет района. Ему было сорок три, но из-за небольшого роста и щуплости Ляпунову можно дать лет тридцать. Отличительная черта его – наполеоновский комплекс, как у многих неприметных и невысоких мужчин. Он поздоровался с Князевым и Климом за руку, даме чмокнул ручку, оценил ее положительно и приступил к делу:

– Сколько хотите, Пал Палыч, за свой автомобиль?

– Сто пятьдесят, – ответил Князев.

– Многовато... Я бы дал сто.

– Моя машина, как вам известно, собрана не в Литве из боя, купленного на свалке в Германии, а доставлена с конвейера и стоит намного дороже, но вам я ее отдаю за бесценок, даром. Сто пятьдесят.

– Пал Палыч, по дружбе вы могли бы еще двадцать скинуть.

– Артем Адамович, – улыбнулся Князев одной половиной рта, – вы хотите воспользоваться моим положением? Сто пятьдесят. Завтра утром вы перечислите на счет основную сумму, а двадцать отдадите наличными при оформлении. Если у вас нет этих денег, то извините...

Малика сидела с прямой спиной, сложив руки на коленях и опустив глаза. Ей было неинтересно, непривычная обстановка давила, она не решалась сделать лишнее движение, чтобы

не показаться душой. А думала она о сестре и муже, которым страшно находиться сейчас среди дегенератов, готовых по первому сигналу убить пленников.

Ляпунов не сдавался, наконец сошлись на ста сорока.

– Малика, ты открыла счет? – спросил Князев, выведя ее из задумчивости. Она кивнула. – Дай реквизиты.

Маля вынула из-под попы сумочку, достала лист, Князев забрал его и передал Ляпунову, который поинтересовался:

– А ваша супруга дала согласие на продажу автомобиля?

– Ее согласия не требуется. Автомобиль оформлен на мою мать, а у меня доверенность на право управления и право продажи.

– Наши капиталисты хитрецы, – хихикнул Ляпа.

Настала пора обмыть сделку и поужинать, а также поговорить на животрепещущую тему – о заводе. Князев начал:

– Скажите, Артем Адамович, разве вы не заинтересованы, чтобы завод остался в наших руках?

– Вы не точны. – Ляпунов улыбался исключительно даме, видно, приглянулась ему она. – Контрольный пакет акций у вас, и вы фактический собственник завода. Но вы допустили массу ошибок, теперь дело за решением суда. А губернатор и мэр не вправе вмешиваться в дела частной собственности.

– Но казна получает деньги из нашего кармана, – подал голос Клим. – Не бойтесь, что завод в чужих руках остановится, как остановилось множество предприятий в области именно после «решающих» судов?

– Нас это тревожит, а что мы можем сделать?

– Вы несколько принижаете свои полномочия, – не согласился Клим. – Мы барахтаемся, а вы лишь наблюдаете. И мы знаем, и вы понимаете, и «Форсинг» тоже, что их действия – это коммерческое мошенничество. Компания воспользовалась не наказуемыми законом формами завладения чужим имуществом, но от этого мошенничество не перестало им быть. Это просто прореха в законе.

– Ваши заявления о мошенничестве голословны, а закон на стороне «Форсинга», – с сочувствием сказал Ляпа. – Предпринимательская деятельность всегда сопряжена с риском, в вашем случае риск не оправдал себя. Кстати, на вас, Пал Палыч, как на руководителе предприятия, лежала ответственность свести риск к минимуму. Вы решили наладить выпуск нового вида продукции для фермеров – мини-техники, – замечательно, машины нужны. Произвели эмиссию акций, чтобы привлечь дополнительные средства, привлекли. А производство так и не запустили. Вы совершили заведомо убыточную сделку.

– Это намек, что мошенник я? – поддел его Князев.

– Вовсе нет, – улыбнулся Ляпа. К улыбке, конечно, невозможно придраться, но Князев понял, что казначей доволен положением вещей. Ух, не любят его первые лица. А Ляпа ворковал: – Мы знаем, что средства истрачены на приобретение основных фондов, производственных мощностей, комплектующих... Думаю, все выяснится в арбитраже.

– Надеюсь, – равнодушно пожал плечами Князев.

– Разрешите вас пригласить? – встал Ляпунов.

Маля подняла глаза на Князева, чуть скривив губы, мол, не хочу, тот незаметно подмигнул: иди. Она вышла с Ляпуновым на середину зала.

– Взятку получил, потому на законы ссылается, – сделал вывод Клим, глядя на пару. – Попроси его, чтобы помог хотя бы снять арест со счетов, он может. Ну, унизишься один раз, корона с головы не свалится, а он только того и ждет.

– Да пошел этот Ляпа... Я не имею дел с третьесортными бюрократами, завтра же к первейшему пойду.

– Раньше надо было пороги обивать, а не пить, – съязвил Клим. – Большой Билл укатил два дня назад в санаторий лечить печень. Как жареным запахло – а для печени это яд, – так он и слинял, короче, сбежал.

– Ну, и к черту его.

– Паша, скажи, ты что-то затеял?

– Без затей живу.

– Не верю. Или я ошибался в тебе? Зачем прогнал адвокатов? Коней на переправе не меняют.

– С них спрыгивают, когда кони падают с переправы, спрыгивают, чтобы уцелеть. У тебя есть предложения?

Клим опустил голову.

– Вот! – подчеркнул слово жестом Князев. – Найди хоть одну зацепку, которая поможет компании подавиться заводом.

– Искал! – огрызнулся Клим. – Я говорил: не надо дразнить гусей. Ты никогда не считался с нашими бонзами, а надо было им хоть изредка пятки лизать.

– Лизунов у них достаточно, – выпив, усмехнулся Князев.

– Ну и получай по башке. Кто такая Малика? – без перехода спросил Клим.

– Я разве не говорил? – Князев часто удивлялся, не поднимая брови, а хмуря их, нахмурился он и сейчас.

– А Галка?

– Галке отставка.

– Паша, я тебя не узнаю. Ты представляешь, что начнется? Вот такие заголовки появятся в газетах, – разведя руки в стороны, показал Клим. – «Гарем Князева!» «Завод на бабу променял!» И распишут, в каких позах ты занимаешься сексом в то время, когда должен заниматься судами. Тебе скандала только не хватает! Что, бес в ребро ударил? Вроде рано.

– Я не имею права любить?

– Кого любить? – повысил голос Клим, да и как не повысить? – Ты ее знаешь двое суток, а уже настолько доверяешь, что велел Ляпе перечислить на счет Малики крупную сумму. А если она сбежит с твоими деньгами?

– Не сбежит. В моих счетах копаются бумажные крысы, зачем же я буду кидать им лишний повод задавать мне лишние вопросы? Хватит о Малике.

– Ты... – скрипнул зубами Клим. – Прости, но ты за эту неделю заболел идиотизмом. Тебе нужен психиатр. Причем срочно.

Тем временем Маля с кислой миной переступала с ноги на ногу, танцуя с Ляпуновым. Его взгляд приковался к груди Малики, а ладони ползли по ее спине ниже, ниже, ниже... достигли ягодиц и задержались. Она остановилась и тягуче, будто сонная, сказала:

– Эчке⁴, убери руки с моей задницы.

Он сдвинул их вверх по спине Малики и чуть прижал ее к себе, издав звук, похожий на стон. Тогда она одним движением отбила его руки в стороны:

– Не надо меня щупать, обжимать тоже не надо.

– А вы знаете, кто я? – полушутливо-полунадменно сказал он.

– Да хоть президент, мне начхать. А ты знаешь, кто я? То-то.

Она вернулась за столик, пришел и Ляпунов, выпив рюмку, попрощался. Вскоре засобирались и Князев с Маликой.

⁴ Козел (узбек.).

– Что Галке сказать? – опутив нос, спросил Клим. – Она просила меня поговорить с тобой...

– Развод! – прорычал, как цепной пес, Князев, вставая.

– Паша, подумай, – робко начал уговаривать его Клим. – У вас семья, дочь, мало ли что происходит...

– Других разговоров не будет, – отбрил Князев, обнял Малику за талию и увлек ее к выходу. – Иди быстрее.

– Ты ходил когда-нибудь спеленатый? – бухтела она по дороге. – Слушай, а ты не продешил? Ста сорока тысяч рублей не хватит, где мы еще возьмем?

– Хватит, – поддерживая Малику, спускавшуюся по ступенькам, заверил он. – Речь шла не о рублях.

– Сто сорок тысяч зеленых?! – приостановилась она, ужаснувшись.

– К тому же я наварил, – потянув ее за руку, ухмыльнулся Князев. – Купил-то тачку за сто двадцать. И давно собирался с ней расстаться, она девяносто девятого года выпуска.

– Тогда хватит, – успокоилась Маля. – Еще и останется.

7

Галина ожидала Клим, гипнотизируя часы, и не могла понять, что случилось с мужем, почему он осатанел. Возможно, она перебрала немного, последнее время они часто ссорились, но разве имеют значение слова, брошенные в пылу, к тому же заслуженные? По ее мнению, Князев разозлился лишь потому, что сам думал о себе то же самое, – и сказанное женой вслух подтвердило: так же судят о нем остальные. Надо делать правильные выводы и действовать, а не пускаться в загул и пьянство, показывая всем свою слабость. Слабых презирают, а тех, кто был на пике удачи и скатился вниз, – презирают вдвойне, и это справедливо. Но как можно оставлять из-за заурядных ссор семью? Так рассуждала она, пока не раздался звонок. Галина побежала к входной двери,пустила Клим, и первый вопрос ее был:

– Ты говорил с ним?

– Говорил, – бухнулся тот на диван. – Дай водки.

Галина достала из бара водку, рюмки, нарезала лимон. Присев рядом, она с надеждой смотрела на Клим, прижав бутылку к груди. Он забрал ее, налил себе и ей и, не чокаясь, опустошил рюмку.

– Ну и?.. – спросила она.

– Развод. Галчонок, скажи честно, что ты ему наговорила?

У нее задрожали губы, но она ответила:

– Просто поссорились... – Галина выпила половину рюмки. – Как обычно, поссорились. Ты же знаешь, каким он стал! Грубым, деспотичным... псих!

– Он всегда был таким, почему ты раньше не замечала?

– Раньше? – переспросила она, задумавшись и глядя в пол. Галина пожала плечами, словно не находя на примитивный вопрос столь же примитивного ответа, однако объяснение у нее было готово, и давно: – Раньше я его боготворила, но, прожив с богом семь лет, поняла, что божественного в нем ничего нет, это обычный человек, к тому же самодур.

– Галка, прости, но виновата ты сама. Во всем, что происходит между мужем и женой, всегда виновата женщина, как бы феминистки ни отрицали эту истину.

– Правильно! – взбунтовалась она. – Я, значит, должна с ним считаться, а он со мной? Нет, да? А у меня тоже есть достоинство, которое он постоянно топтал.

– Галчонок, не кричи. – Клим говорил устало, налил еще водки. – Умная баба всегда найдет подход к мужику и так его повернет, что он будет делать то, что ей нужно, и думать, будто сам дошел до этого. Ты не сумела.

– Потому что у меня тоже нервы сдали! – с обидой выкрикнула Галина. – Я всю жизнь терпела его выходки, капризы и просто плохое настроение! Он запрещал мне с людьми разговаривать, рот затыкал при всех, будто я дура набитая. А у меня, между прочим, высшее образование! Я стерпела, когда он дочь назвал Фросей! Фросей! Это вообще... ужас!

– Ефросиньей, – поправил Клим. – Красивое русское имя. Терпела, говоришь? Значит, не любила. Жена такого человека, как Князев, должна понимать его и любить, создавать комфорт в доме, куда он приходит отдохнуть и забыться. Это твоя должность, работа, если хочешь.

– Мне тоже нужна любовь! И уважение! Я ради него все бросила, а что получила взамен? Ну, что я получила?

– Дорогие тряпки, личную автомашину, домработниц, – перечислял Клим. – Ты получила возможность ничего не делать, а ездить по странам и континентам, ходить в салоны и устраивать скандалы всем, кто тебя обслуживает. Ты получила положение жены руководителя крупнейшего в городе завода, что ты всячески подчеркивала, раздражая Пашку. Тебе вдруг показалось, что это твоя заслуга, а не его, но ведь это он тебя вытянул наверх. Да ты обязана была стелиться перед ним, а не форс свой показывать.

Галина и Клим были знакомы давно, с ним она часто советовалась, поэтому выслушала его терпеливо, впрочем, в ее положении другого не было дано. И все же она считала, что права.

– Подумаешь, сказала ему правду! Я жена, он должен хотя бы от меня ее услышать.

– Понятно, – с прискорбием закивал Клим. – Правду, Галка, не обязательно говорить, потому что она у всех разная и не всегда ее хотят слышать.

– Где он сейчас?

– В кабак пришел с женщиной, с ней и ушел.

– С какой? Вот с такой? – Указательными пальцами она оттянула внешние уголки глаз, превратив их в щелочки. – С узкоглазой, да?

– Не преувеличивай. Она далеко не узкоглазая. Да, глаза у нее длинные, как дынные семечки, но красивые, с во-от такими ресницами, – приставив пальцы к векам, он наглядно показал длину ресниц Малики. – И вообще она... талия, грудь, бедра... все есть и очень впечатляет, очень...

– Да вам, мужикам, только сиськи и задницу покажи, вы слюной изойдете! – раскричалась Галина сквозь слезы, подскочила и пронеслась вокруг дивана, потом встала перед Климом. – Чем она лучше меня, чем? Я что, хуже?

– Галка, вы разные. Не мне судить, кто из вас лучше, вопрос в другом: Пашка за неделю... он стал не Пашкой, а кем-то другим.

– Сломался, – подытожила она с чувством злорадства. – Потому что переоценил себя. Думал, непотопляем, всесилен, вот его и долбануло. Променил меня на какую-то чурку чумазию. Проститутку снял и показывает всем. Это он мне назло делает.

– Насколько я знаю Пашку, назло он делать не станет, – спокойно возразил Клим. – Кстати, она не проститутка, Галчонок. У проституток глаз другой – замыленный, наглый, пустой. Скажу больше, он продал автомобиль, а деньги перечислят на ее счет. В общем, дела твои плохи.

– Что?! – задохнулась она. – На ее счет?! Ну, это уж слишком. Какая-то размолвка... и он готов меня с дерьмом смешать? Выставить на посмешище? За сколько он продал машину?

– Пардон, я не имею права говорить это даже тебе.

Галина прошлась, заламывая руки, что выдавало ее отчаяние. Она всячески сдерживала себя, но не получалось, прорвалась боль с обидой, хотя и выраженная в резкой, высокомерной форме.

– Знаю, зачем он перечисляет деньги на ее счет. Чтобы при разводе не делить сумму со мной. Вот буду хохотать, когда эта чумазая смоеется с его деньгами. Ну, ничего, он еще получит свое, будет локти кусать.

– Галка, ты сделала какую-то стратегическую глупость, и я не знаю, чем тебе помочь.

– Какую глупость? – заверещала она. – Ему предлагают прекрасное место управляющего в филиале банка Лианы! За такое место все нормальные люди цепляются зубами, особенно в его положении. Ну не получилось из Князева крупного капиталиста, он прогорел. Надо же думать о семье хоть немного.

– Галка, ты настаивала, чтобы он... – и Клим хлопнул себя ладонью по лбу, – считал чужие деньги? Он привык свои деньги считать и заниматься глобальными делами, а ты... Пойду я... Извини.

Захлопнулась дверь, Галина вздрогнула, потом опустилась на диван и беззвучно зарыдала. Постепенно рыдания перешли в истерику, а утешить ее было некому. Внезапно ее осенило, она перестала плакать, кинулась к сумочке, нашла визитку и, всхлипывая, набрала номер:

– Это Галина Князева. Вы хотели взять у меня интервью... я согласна... Лучше с утра. – Бросив трубку, она добавила: – Да, с утра... пока я не передумала.

Наутро Князев опять встал рано. Не спалось. Не спалось, словно все его существо экономило время и подталкивало: выйди, полюбуйся напоследок, что ты скоро потеряешь. Князев вышел, оказалось, не один он рано встал. Маля в джинсах и мужской рубашке кидала нож в дерево. Не всегда он втыкался в ствол, но она поднимала и снова бросала его. Князев приблизился к ней.

– Странное занятие для женщины.

Маля подняла нож, который в очередной раз не попал в ствол и упал на землю, вернулась на место, заявив:

– Времена, когда женщин защищали мужчины, давно прошли, сейчас надо самой уметь себя защитить. Вот только навыки немного ослабли. Ничего, кто научился ездить на велосипеде, никогда не забудет, как это делается.

– Покажи. – Он протянул руку, Маля отдала нож. Сталь была отшлифована, заточена, кончик лезвия чуть загнут, на рукоятке витиеватый узор. – Что это за нож?

– Мой прадед по материнской линии был чеканщик, на рукоятке его работа. А отец учил меня с ним обращаться.

– Кто был твой отец?

– Мент, – забирая нож, сказала Маля и бросила его в дерево, он воткнулся, но косо. Она пошла за ним. – Рядовой капитан милиции.

– Капитан – уже не рядовой.

– Капитанов много, значит, рядовой. Папа хотел сына, как все мужчины, но родилась я. Он и воспитывал меня как сына в отличие от Ляльки.

– Ты, наверное, дружила с мальчиками, ходила в брюках, играла в футбол, – скептически предположил Князев.

– Нет. Я носила платья и дружила с девочками, а футбол терпеть не могу. Папа внушил мне с детства, что я буду милиционером, как он, и должна уметь обращаться с оружием. Учил стрелять из своего пистолета, а чтобы рука была твердой, привязывал к ней тяжелый утюг, я ходила с этим утюгом по двору, кормила кур, играла в куклы.

– Короче, папа сделал из дочери вторую Никиту, – пошутил Князев.

– Хуже, – дерзко сказала она, развернувшись лицом к Князеву. – Твоей Никите не приходилось ночевать на улице зимой вместе с больной матерью и сестрой. Ей не приходилось слышать с ненавистью в Таджикистане «русская», а здесь, в России, – «чурка». Она не убегала от озверевших и вооруженных людей, не хоронила отца, как бомжа... много чего ей не приходилось делать и испытать.

– Значит, твой отец учил тебя стрелять. – Князев ушел от темы киношного образа, так задевшего Малику. – А патронам не вели учет на службе отца?

– Сразу видно, что ты не представляешь, где мы жили. – И кинула нож, который воткнулся в ствол. – В Таджикистане всегда было не так, как здесь. – Она сходила за ножом, подошла к Князеву. – Объясни, о чем вы вчера в ресторане говорили? Я ни черта не поняла.

– Это трудно понять...

– А ты доступно объясни, как дуракам. Отец говорил: вслух полезно излагать, так лучше видишь свои просчеты.

– Ну, раз твой отец говорил... – усмехнулся Князев, поглаживая затылок. – Ко мне как-то приехал представитель банка, с которым мы успешно сотрудничали три года, и предложил наладить выпуск новой продукции. Мы выпускаем комбайны, они громоздкие и дорогие, небольшим фермерским хозяйствам такие машины не потянуть, а компактные, наделенные несколькими функциями, по карману. В стране выпускают тракторы по немецкой лицензии, но наше КБ разработало собственный, принципиально новый проект, не машины, а мечта. Но выход на рынок с новой продукцией всегда сопряжен с большими трудностями.

– А при чем тут банк и новые машины?

– Банкам выгодно инвестировать деньги в предприятия, предприимчивые банкиры сами сводят партнеров. Так вот, любое предприятие имеет конечную цель – прибыль, а она должна была, по расчетам, быть внушительной, нашлись и партнеры-оптовики, которым наша продукция нужна. Надо было запустить новые цехи, пустовавшая площадь на заводе имелась. Но для того, чтобы это все заработало, необходимо – что?

– Деньги?

– Мы выпустили акции и продали их банку по заниженным ценам, банк перепродал акции компании «Форсинг» уже по более высокой цене. Но нам задержали поставки оборудования, а когда оно пришло, выяснилось, что ни к черту не годится. Мы со скандалом его вернули, срочно стали вести переговоры с другими партнерами, а это уже пошли убытки. Далее: завод, поставляющий нам основные комплектующие по нашим разработкам, дал сбой. Мы с трудом и большим опозданием запустили один цех, затратив средства из основного фонда, а требовалось, чтобы одновременно заработало два цеха. В довершение всего партнеры, которым мы должны поставить продукцию, отказались от нее, так как мы не уложились в сроки. Теперь, чтобы продвинуть продукцию в регионах, нам пришлось давать взятки, но это время и деньги, которых нет, плюс людям следует платить зарплату, а их тысячи. Компания стала требовать деньги, но они были в деле, прибыли мы не получили, начали расти проценты на долг. Поняла, как становятся банкротами? Короче, я лопухнулся.

– А почему Клим считает действия компании «Форсинг» коммерческим мошенничеством?

– Видишь ли, с юридической точки зрения к ним не подкопаешься, но нас насторожила агрессивность поглощающей компании. У нас давно создалось мнение, что они задались целью забрать завод и торопят это событие. Всегда можно договориться, но «Форсинг» отказывается учесть объективные причины, которые привели нас к нынешнему положению. На переговоры они не идут, одновременно тормозят работу завода нашествиями всяческих контролеров. И помощи от наших бонз, которые должны быть заинтересованы, чтобы завод работал на полную мощность и тем самым пополнял бюджет города, тоже нет. Все это некрасиво выглядит.

– Раз у них все на мази, почему тебя заказали?

– Значит, где-то «мазь» превратилась в грязь. – Князев помолчал и бросил ничего не значащим тоном: – У меня водитель новый, старый, говорят, заболел...

– Думаешь, кто-то с завода тебя заказал? – Маля догадалась, чем обеспокоен Князев.

– Не заказал, а, например, сдал. Водитель в моем положении много значит, он чувствует опасность, может всегда убежать от нее, например, поменять маршрут... или, наоборот, привезти к убийце.

Малика позавидовала его выдержке. Знать, что тебя приговорили, и не знать, сколько тебе жить осталось, – должно быть, это страшно. Любой человек боится, без сомнения, Князев тоже, но он держится стойко, будто не висит на волоске.

– Возьми временно дядю Костю шофером, – предложила она.

– Он всех распугает, включая охрану, – рассмеялся Князев. – К тому же он тебе понадобится.

– Пока он мне не нужен. Распугает, говоришь? Отмоем его. Сегодня он будет ремонтировать мою «Оку», мы же останемся без транспорта...

Диалог прервал Чемергес, выкатился из «виллы», бежал, как от собаки кошка, за ним мчался Тетрис. Не догнал, вернулся назад, возмущенно крича:

– На фиг, Князев, ты Чемергесу дал мобилу? Ему-то она зачем? Он меня достал! Звонит и звонит все утро, придурок! Мне звонит и ржет!

– Я проверял связь. – Чемергес высунул голову из-за сарая.

Тетрис подхватил палку и запустил ею в него, к счастью, не попал, а в ответ услышал икающий хохот Чемергеса. Малика прикрикнула:

– Хватит дурака валять, завтракаем и едем!

В конференц-зале, где обычно проходили собрания, Князев сидел за столом, перед ним стоял микрофон. Представители столь любимой им прессы, не раз безжалостно полоскавшей его, заняли первые ряды, приготовили камеры, диктофоны. Говорил Князев по-деловому быстро, без паники и нытья, говорил много, но... ничего нового не сказал, кроме того, что положение тяжелое. Он воспользовался золотым правилом демагогии – уходить от вопроса далеко и надолго, в результате чего сам вопрос забывается. Зато он четко знал, с какой целью устроил пресс-конференцию: чтобы создать образ капиталиста-неудачника, недостаток извин которого привел к краху. Наблюдая, как у журналистов гасли взоры и как они переглядывались, он понял: цель достигнута. Когда он спросил, есть ли еще вопросы, какая-то девчушка поднялась с места:

– Простите, Павел Павлович, я так и не поняла: завод переходит в чужие руки или остается у бывших владельцев?

А он битый час бегал от этого вопроса!

– Видите ли... – пошел он по второму кругу, но теперь говорил медленнее, ибо нужно было найти другие обходные слова, чтобы создать видимость непохожести ответов. – Если говорить об объективных причинах, приведших завод к нынешнему положению, то вырисовывается неприглядная картина, пугающая не только вас, но и нас. Однако будем учитывать плюсы и минусы, они не всегда находятся в равновесии, а перевес зависит от тех доказательств, которые предоставят стороны при рассмотрении дела в суде. Извините, господа, к сожалению, время вышло.

Князев выскочил из зала, чтобы журналисты не успели его атаковать. У них же никогда не иссякает любопытство. За ним фактически бежали Колчин и Ермаков, последний спросил:

– Пал Палыч, что ты им долдонил? Даже я не въехал.

– У нас новые охранники? – Он оставил вопрос без ответа, заметив новых людей. Немного, но новые лица появились.

– Люди бегут, не рискуя остаться без работы, – сказал Ермак. Внешность у него была самая заурядная, таких тысячи, но он являлся аккуратным и неглупым человеком. До недавнего времени Князев ему доверял более, чем кому-либо. – Это рабочим деваться некуда, а охрана находит работу и уходит.

Что ж, логично, но Князев шкурой почувствовал – что-то здесь не так. Ведь это не тетю Дуню, размахивающую шваброй, заменила тетя Глаша, а новые люди появились в охране, води-

тель новый... Что он должен думать? Не обкладывают ли его противники со всех сторон, вводя своих людей? И делают это при помощи Ермака?

Князев не пустил никого из заговоров к себе в кабинет, сославшись на то, что должен подготовиться к совещаниям. Опустившись в кресло, несколько минут просидел не шевелясь, потом подскочил и залез под стол. Там, где не удавалось увидеть глазом, он прощупывал пальцами. Потом встал, отряхнулся, на ощупь исследовал заднюю сторону батарей и поверхности между секциями. Выпрямившись, подумал и перевернул кресло...

Есть! Вряд ли «жучки» в этом кабинете один. Ну и пусть пока стоят. А ведь кто-то из своих расставил «жучки», тот, кто имеет доступ к нему. Неплохо обложили! Теперь надо контролировать каждое слово. Он включил компьютер, приказал референту принести кофе. Нашел директорию отдела кадров... Референт внес кофе на блюдце.

– Скажи, Оскар, что тут без меня творилось? – любопытствовал Князев, не глядя на молодого человека.

– Три дня оборону держали, как на войне. Приезжали человек тридцать с оружием, чтобы выдворить нас с завода.

– А кто приезжал? Милиция, ОМОН, кто?

– Не докладывали, только бумажками с печатями потрясали, мол, мы на законных основаниях.

– А кто потрясал?

– Представители «Форсинга».

– Иди, – бросил ему Князев, взяв чашку.

Поднеся ее к губам, придержал – а кофе-то может быть отравлен. Князев вылил содержимое чашки в горшок с растением, вернулся на место. Нашел файл охраны. Кто тут уволился? Трое. Уволились на прошлой неделе и в один день. Хорошие ребята, одному из них сорок, проработал десять лет, фамилия Кустов. Далее – новые охранники. Взяли на работу на следующий день после увольнения тройки. Сведения о них еще не внесены. Итак, первое подозрение падает на Ермака. Правильно, если кого и вербовать, то начальника безопасности.

– Извините, Пал Палыч, – заглянул референт, – где будут проходить совещания? В вашем кабинете или в зале?

– Еще не решил, – бросил Князев. – Попрошу меня не отрывать от дел, для переговоров есть связь.

– Извините, Пал Палыч, – скрылся тот.

А «жучки» изящным движением ручки мог расставить и милый мальчик Оскар! Он имеет доступ в кабинет, работает всего год, к тому же Князеву никак не хотелось верить, что Ермак предатель. До встречи с Ляпуновым Князев обдумывал собственные ближайшие ходы. На дальнейшее будущее не нацеливался, надеясь на Марту Ивановну, она должна подсказать, что делать. Но как несется время!

8

Малика остановилась у проходной секунда в секунду. Плюхнувшись на сиденье, Князев похвалил ее:

– Ты пунктуальная.

Когда она захотела что-то сказать, он приложил палец к губам, после подал знак: показал круг из пальцев и приставил его к уху. Черт его знает, может, и в машине стоят «жучки». Малика сообразила и всю дорогу молчала.

Ляпунов показал квитанцию о перечислении денег на счет Малики, двадцать тысяч отдал наличными, в течение часа оформили документы, и Князев расстался с машиной без сожаления.

ния. Попрошавшись с Ляпуновым, он подхватил под руку Малику и предложил ей пообедать в кафе, а заодно и поговорить.

– Чего ты опасался в машине? – спросила она.

– Сегодня нашел в кабинете «жучок», думаю, он там не один. И не только там, подозреваю, в машине тоже есть, но не уверен.

– Ты на прослушке? – произнесла она задумчиво. – Это плохо, но не смертельно. Тебя контролируют, чтобы знать каждый твой шаг.

– Это еще не все. Трое охранников уволились в один день, на их место взяли троих и тоже в один день. Они относятся к моей личной охране. Что ты об этом думаешь?

– Меня подстраховывают.

– Не помнишь, в машине мы много говорили?

– Достаточно, – припоминая диалоги, сказала Малика. – Я говорила тебе о ребятах...

– Гриб их знает?

– Только Бомбея. Но если он заподозрит с моей стороны измену, всех найдет. Успокойся, наш план мы обсуждали вне машины.

– От этого не легче. Откуда Тетрис и Чемергес знают Гриба?

– То там, то сям слышали, например, от меня, от Бомбея.

– Надо срочно переселиться.

– Не паникуй, о «вилле» дяди Кости ни одна живая душа не знает.

Маля шла, механически огибая встречаемых людей, ее отсутствующий взгляд дал понять Князеву, что она ушла в себя. А он давно не гулял по улицам пешком, видел их только из окна автомобиля, поэтому вертел головой по сторонам, словно впервые попал в город. А что – и впервые. Если смотреть на мир с позиции человека, которому жить осталось считанные дни, то замечаешь много такого, на что раньше и времени не хватало, и заботы были другие, и все казалось до тошноты привычным. Но теперь-то все изменилось и настало время понять, как много разнообразия и необычности в самых простых вещах. Улица, люди, рекламные щиты, киоски... Как это все нужно и не хочется бросать. Заметив, что Маля вот-вот столкнется с женщиной, он взял ее за локоть и притянул к себе:

– Не задумывайся, держись ближе.

– Знаешь, Князев, не было в машине «жучка».

– Откуда такой вывод?

– Если бы твои недруги знали, о чем мы говорили в машине – а я вспомнила все наши разговоры, – они бы давно связались с Грибом. Этот живодер уже достал бы меня и прикончил вместе с тобой.

Зашли в кафе средней руки, Князев сделал заказ, но почти не ел, полностью уйдя в мысли. Молча поела обед и Малика, но вот она отодвинула тарелку и подалась корпусом к нему, так как Князев первым наклонился к ней.

– Бери деньги и поезжай на авторынок. – Десять тысяч долларов он протянул под столом, Малика взяла. – Сможешь выбрать машину?

– Дядю Костю возьму, наряжу в одежду мужа. А какую надо?

– Внедорожник. Простенький. Уложись в десятку, за эти деньги можно купить неплохой джип, разумеется, старенький, но крепкий. Сегодня же купи, оформи на себя, мне такой ерундой заниматься некогда. Все, я побежал.

– Пал Палыч, – поднялся со своего места Оскар, когда Князев вошел в приемную, – вы так и не сказали, где будут проходить совещания.

– В комнате отдыха.

– Она же не предназначена... – растерялся референт, словно не припас лишних «жучков» на подобный случай.

– Я, кажется, ясно сказал, где! – отрезал Князев, скрываясь в кабинете.

Первое совещание было с ближайшим окружением, в которое входили Клим, Колчин, Ермаков и ведущие специалисты. Конечно, тот, кто продался, доложит новым хозяевам, о чем шла речь. Но все продажными быть не могут, это кто-то один, все слово в слово он не передаст. К тому же не исключена вероятность, что его вообще нет среди этих сотрудников, один процент из ста, однако есть. Решался вопрос о приостановке нового цеха.

– Нет, я сказал, – Князев был категоричен. – Пока есть комплектующие, мы будем выпускать машины. Клим, как обстоят дела со сбытом?

– Хреново, – ответил тот. – Очень хреново.

– Хреновый твой ответ, – прорычал шеф. – Лети хоть в Конго, но обеспечь сбыт. Предложи проценты с закупок, у тебя срок – пять дней. Далее. Следует увеличить объем основной продукции, надеюсь, здесь у нас не будет сбоя.

– Завод простаивал неделю... – подал голос Колчин.

– Значит, хорошо отдохнули, – услышал он резкий ответ Князева. – Последнее: сокращение. Согласитесь, в данной ситуации мы не можем обойтись без него.

– Рабочие поднимут шум... – попытался образумить его Колчин.

– Я не о рабочих речь веду, а о тех, без кого мы можем обойтись. Например... зачем мне личная охрана, да еще в таком количестве?

– Они работают посменно, – покраснел от негодования Ермаков. – Обеспечивают охрану и в командировках, кстати, не одному тебе, Пал Палыч.

– А по мне, так жирно. Личную охрану уволить, охранников на объектах завода не трогать, новых никого не брать. Предупредите уволенных: как только дела утрясутся, возьмем их обратно. Остальным завтра принести списки на увольнение.

– Но это же не так просто – уволить работника! – забеспокоился и главный инженер. – На нас подадут в суд за незаконное...

– Я все сказал, а «просто – непросто» вместе с законностью меня вообще не колышет. На этом закончим. Оскар, пригласи начальников цехов.

Подчиненные выходили, переглядываясь, мол, патрон голову потерял. Князев провел еще два совещания, носился по цехам и побеседовал со старожилами, которые иной раз лучше инженеров соображают, что делать.

Вечером Малика час ждала его у проходной в новом, вернее, старом джипе. Сзади сидел Чемергес, которого не украсила даже чистая одежда – как такого за руль сажать? – но в служебный автомобиль Князев решил больше не садиться. Он отправился к охраннику Кустову, один поднялся на этаж и позвонил. Открыла жена:

– Пал Палыч? Проходите.

– Извините, я спешу. Позовите мужа.

Через минуту Кустов и Князев курили на лестничной площадке.

– Скажи, только честно, почему ушел? – спросил напрямую Князев.

– Место мне предложили, – после длительного молчания ответил Кустов, рассматривая свои ботинки. – А тебя, Пал Палыч, не было...

– Ну, этот ответ ты придумал, – вздохнул Князев. – Я просил честно сказать. Кажется, мы неплохо работали, я тебя не обижал. Пойми, мне нужно знать, что вокруг затевается. Ты боишься?

– Боюсь, – признался Кустов.

– Говори, я тебя не продам.

– Подцепили меня трое на улице, когда ночью возвращался домой, приказали уйти. Пригрозили, что сотрут в порошок, если не уйду сам.

– Кто они?

– Не знаю. Судя по рожам, бандюки. Пойми, у меня семья. Кому они будут нужны, если меня не станет? Прости, Пал Палыч.

– А новые охранники не знаешь откуда?

– Посмотри в личном деле.

– В личное дело накатать можно любую легенду, бумага все стерпит. Еще двум охранникам тоже приказали уйти?

– Мы не говорили, но, думаю, да.

– И на том спасибо. – Прощаясь, Князев пожал руку Кустову, он был ему благодарен, потому что получил подтверждение своим догадкам, а это очень важно.

– Пал Палыч, может, тебе пригодится... Захватывать завод приезжали люди Сайкадзе. Я узнал одного парня, он работает у него.

– Сайкадзе? Кто такой?

– Владелец ЧОПа под названием «Ринг».

– Спасибо, – бросил Князев и сбежал вниз. Запрыгнув в машину, он, торжествуя, подмигнул Малике: – Пока я иду на шаг впереди. Кустову приказали уйти от меня, угрожали. Наверняка остальным двум охранникам угрожали тоже. А сегодня я приказал уволить личную охрану.

– Ты ненормальный, – остудила его она и понизила тон, так как с заднего сиденья раздавался булькающий храп Чемергеса. – Уволил бы новых...

– А где уверенность, что старых не купят или путем угроз не заставят застрелить меня? – выставил он контрдовод. – Хотя хлопнуть меня могут везде.

– Тебя не хлопнут, пока меня не раскусят, – возразила Малика. – Надеюсь, не успеют раскусить, а наш план даст тебе время. Знаешь, Пал Палыч, я весь день думала, и вот какое у меня есть предложение. Давай я с тобой везде буду ходить на правах личного телохранителя?

– Телохранительница Князева? – криво усмехнулся он. – Меня поднимет на смех пернатая стая губернатора и мэра.

– Князев, если у тебя полно врагов под носом, то ты должен иметь хотя бы одного надежного человека. Между прочим, от тебя зависят жизни моей семьи и моя. Целых три. И я заинтересована, чтобы с твоей головы ни один волос не упал.

– А Гриб? Кто будет им заниматься?

– Гриб не скажет, кто тебя заказал, а его дегенераты не знают. Все, что мне необходимо, выяснит Бомбей, а там будем думать, как быть.

– А вдруг Гриб пронюхает, что ты моя телохранительница?

– Как он пронюхает? Я ему не скажу.

– Ну а твой муж не приревнует тебя ко мне?

– Мой муж идеальный человек.

– Так не бывает.

– Конечно, он брюзга, немножко зануда, любит поговорить, но это же мелочи. Я ему обязана всем, что сейчас имею.

– А что ты имеешь? Я серьезно спрашиваю. Мне интересно, что можно дать женщине, чтобы вызвать такую благодарность? Несметные богатства, дворец, страсть?

– Намного больше. Он дал мне крышу, прописку и гражданство.

– Патриотично звучит, – фыркнул Князев.

– Ты просто счастливчик и не знаешь, что это такое.

– Ладно, если вывернемся, отправлю твоего мужа лечиться за границу.

– К сожалению, ему это не поможет.

Бомбей был на месте, что-то варил в жестяных банках на печке, а на поляне, вздымая вверх пламя, горел костер, рядом на одеяле лежал Тетрис. Маля подошла к Бомбею, заглянув в банку, поморщила нос:

– Надеюсь, ты не будешь нас этим кормить?
– Нет, дорогуша, – бодренько ответил тот. – Я создаю мой состав.
– Получается? – спросил Князев, разгоняя рукой вонь от жестянки.
– Пока нет, но получится. – Бомбей вытер руки о свой свитер, уселся на одеяло и достал из сумки четыре пистолета. – На каждого по стволу, кроме Чемергеса. Сдачи нет, на остаток я накупил ингредиентов. Я заработал сто грамм.

Маля выкладывала еду на второе одеяло, подстелив клеенку, которую забрала из дома. Намек пролетел мимо нее, но, видимо, достиг ушей Чемергеса, потому что тот вывалился из джипа со словами:

– Сто грамм? А мне?
– И я продрог, – передернул плечами Тетрис.
– Малика, у меня тоже был напряженный день, – принялся клянчить выпивку и Князев. – Снятие стресса рекомендовано врачами.
– Дать таблетку? – предложила она.
– Таблетка одно лечит, другое калечит, – набычился Князев, не привыкший к отказам. – Малика...

Его прервал телефонный звонок, Маля поднесла трубку к уху и замахала мужчинам, мол, тихо:

– Гриб, я же сказала, что все сделаю. Мне нужно время. Дай моих. – Дальше она заговорила по-узбекски: – Лялька, не плачь, при первой возможности я вас освобожу, главное – не бойтесь. Все будет хорошо, милая, потерпите немного. Как Кеша?.. – И снова по-русски: – Гриб, ты не дал мне поговорить с сестрой... А мы всегда беседуем на родном языке... Какой ты быстрый, а я осторожная, понял? Сказала же: две недели! Срок еще не истек.

Очевидно, Гриб отключился, Маля опустила голову.

– Ну, что там? – присел перед ней Бомбей.
– Им страшно, Лялька плачет, – произнесла Маля тихо.
– Гриб тебя поторапливал? – догадался Тетрис.
– Напоминал, – огрызнулась Маля, впрочем, тон ее предназначался Грибу. – Он думает, что у меня склероз. Дядя Костя, неси из холодильника бутылку, она там.

– А где холодильник? – вытаращил глаза Князев, в то время как Чемергес помчался к пруду, и, надо сказать, бегал он весьма быстро.

– В бидоне, – пояснил Бомбей. – Ну, в которых раньше молоко развозили, знаешь? А бидон с грузом в пруду. Получается холодильник.

Спустившись с высот, Князев познавал жизнь в ее первозданном виде и, как ни странно, не страдал. Не страдал, что ванная в холодном пруду, что туалет за кустиком, что нет тарелок и вилок – в лучшем случае алюминиевую ложку дадут.

Обговорив новые детали плана, который не слишком изменился, все легли спать, потому что накрапывал дождь, похолодало. На этот раз Князев уснул сразу, стоило только ему упасть, несмотря на капли сверху – потолок был дырявый.

9

Князев избавился от недоверия к новым знакомым и решил до работы забросить Тетрису, Бомбея и Чемергеса в свой загородный дом, где не протекает крыша, есть электричество, обеспечивающее работу компьютера. Почти в каждом городе, даже небольшом населенном пункте, существует своя Рублевка, к местной Рублевке и направлялся Князев, когда вдруг позвонила Марта Ивановна:

– Павлик, можешь заехать ко мне в любое время.
– Обязательно заеду.

- Паша... – Она почему-то замялась.
- Марта Ивановна, не пугайте. Говорите, что еще меня ждет?
- Ты читал сегодняшние «Губернские вести»?
- Нет, я недавно проснулся.
- Паша, купи валидол, прежде чем читать.
- А что там?
- Я тебя жду.

Заинтриговала. Разумеется, он остановился у первого попавшегося киоска, купил газету и... На первой полосе заголовок: «Семейные тайны». Подзаголовок: «Эксклюзивное интервью с женой генерального директора завода “Сельхозмашиностроение” Галиной Князевой». И на полстраницы фотография жены в лучших традициях голливудских папарацци. Под снимком номер страницы, сообщающий, где читать. Князев сразу почувствовал крупную гадость со стороны Галки. Он уселся на место водителя, нашел нужную страницу, уложил газету на руль и начал читать.

– Что пишут? – сунула было нос в газету Маля, но рык раненого зверя, то есть Князева, заставил ее отшатнуться:

- Не мешай!

Интервью посвятили целый подвал. Прочитав, Князев облокотился о спинку кресла, сжав руль так, что пальцы побелели, глаза его тоже побелели. Маля взяла газету, с опаской поглядывая на Князева, опустила голову и читала. Он завел мотор и развернул машину.

- Куда едем? – поспешно сложив газету, спросила Маля. – Нам же в другую сторону...

Он промолчал, а в салоне установилась тишина, ибо и остальные поняли: у Князева неприятности. Через сорок минут он въехал в знакомый Малике двор, приказал всем выбираться. На лифте поднялись на этаж, никто не проронил ни звука, чуя грозное настроение Князева. Входя в квартиру, он внезапно переменялся, превратившись в радушного хозяина:

- Проходите, не стесняйтесь, располагайтесь.

Тетрис, Бомбей и особенно Чемергес с потерянным видом жались к стене, неожиданно попав, по их понятиям, в царские хоромы.

– В чем дело? – крикнула Галина. Она спускалась сверху и, увидев толпу из оборванцев, расширила глаза. – Что это за люди?!

– Мои друзья, – улыбаясь, сказал Князев. – Им негде жить, а у нас места полно, всем хватит.

- Что ты этим хочешь сказать? – с ужасом произнесла Галина.

Вместо ответа Князев цапнул за драный и невероятно грязный пиджак Чемергеса (одежду мужа Малики бомж сменил на родную) и поволок того к ванной комнате. Там открыл краны, щедро сыпал и лил в воду содержимое из флаконов и баночек, по ванной разнесся аромат.

- Что ты делаешь? – растерялась Галина.

- Собираюсь купать моего друга. Видишь, он немного грязный.

- Не, меня туда нельзя, – запротестовал Чемергес. – Я все выпачкаю...

– Раздевайся и лезь в ванну! – толкнул его внутрь Князев и закрыл дверь. – Чтобы полдня отмокал.

- В моей ванне будет купаться ЭТО? – взвыла Галина.

- В нашей, дорогая, в нашей, – поправил ее Князев.

И вдруг в его лице появилось такое, от чего Галина попятилась. Он, наступая, достал из кармана газету и сунул ее в лицо жене, она коснулась ее щеки. Галина застыла, ждала, чем все кончится, но он спокойно процедил:

- Это что? Я спрашиваю: что это?

- Это тебе наказание за мое унижение.

– Наказание, – удовлетворенно крикнул Князев. – Ты не оценила моей доброты, поэтому... будем делиться, как полагается. Половина квартиры твоя, а половина моя, и на своей половине я буду делать, что мне взбредет в голову.

– У тебя есть дом. Забирай свою шваль и катись туда.

– Обрадую тебя: дом принадлежит моей маме, так что на него ты не раскатывай губы. А будешь орать, я поделю барахло другим способом. И дележ будет таким...

Князев рванул на кухню, Галина бежала следом, не представляя, что еще выкинет ее муж. Он схватил кухонный топорик, направился в гостиную. Галина закричала, потому что Князев со всего маху рубанул по огромному плоскому телевизору. Еще раз ударил – и все, телевизору амба.

– Я милицию вызову! – всхлипнула Галина.

– А что мне сделает милиция в моем доме? – отыскивая следующий предмет для дележа, спросил Князев. – Я тебя избиваю? Убиваю? Нет. А со своим барахлом я волен поступать как мне заблагорассудится, оно куплено на мои бабки. – И бахнул топориком по вазе, разбив ее вдребезги. – Запомни: каждый твой вопль или оскорбление в адрес моих друзей закончится дележом. Твою машину я поделю таким же способом, устраивает? Никаких акций, милая, ты не получишь. Чтобы что-то получить, надо поработать, а ты не знаешь, как это делается. Хорошо подумай над тем, что я сказал. Тетрис!

– Да? – вынырнул тот из прихожей.

– Располагайся в моем кабинете, Галина тебя отведет туда. Чай любишь или кофе?

– Кофе, – робко вымолвил Тетрис.

– Через каждый час ты должна относить Тетрису чашку крепкого кофе по-турецки, с пенкой, он такой любит, – отдавал приказы жене Князев. – Моих друзей кормить, поить... поить не надо, только кормить. Бомбей, когда Чемергес вымоется, отведи его в парикмахерскую, потом к фотографу и сними на водительское удостоверение. Держи деньги, поедешь к этому товарищу... – Князев настроил на листе несколько слов. – Отдашь бабки, получите права и вернетесь сюда. Держи ключи от квартиры. – Бомбей поймал их на лету. – Мы с Маликой приедем вечером. Малика, за мной.

Сели в машину, Маля, покосившись на Князева, произнесла:

– Ты страшный человек, я тебя боюсь.

С визгом колес машина выехала со двора.

– Это моя личная телохранительница, – представил Князев Малику Ермакову. – Отведи ее оформиться на работу, выпиши пропуск и так далее.

– Пал Палыч, ты же увольняешь охрану, – вытаращился тот.

– А ее беру! Одну!

Ермак развел руками, повернувшись к Климу в ожидании поддержки, но не получил ее. Клим побрел за Князевым, правда, по дороге не удержался:

– Паша, что ты делаешь? Любовницам не место на производстве.

– На, читай. – Князев кинул газету в Клима. – У меня не может быть любовниц, я импотент.

– Чего? – приостановился Клим, ловя газету.

Он читал интервью на ходу, и волосы его начали заметно шевелиться. Войдя в комнату отдыха с Князевым, Клим машинально сел в кресло, не отрываясь от статьи. Прочел. Почесал лоб. Приуныл:

– Это выстрел в спину. На всю область...

– Прочел? – поинтересовался Князев. – Ну, импотент я, ладно. Но она же растрепалась про налоги, черную кассу, зарубежные связи!

– Галка слышала краем уха, а толком ничего не знает. – Клим предпринял слабую попытку его утешить. – Ее треп ничего не стоит, так, обозлившаяся жена... хотя жди теперь новых проверок.

– Хрен они что-то найдут. А как тебе нравится: «Я имею право рассчитывать на половину акций при разводе»? Ну и гадюку я держал под боком.

– Я бы обиделся за «импотента». Слушай, как ей в голову взбрело трепаться о постельных делах?

– У нее и спросишь.

– Не спрошу, я сегодня улетаю.

– Куда?

– Здравствуй! Сам вчера велел ехать хоть в Конго. Лечу искать рынок сбыта сначала в Москву, там попытаюсь наладить контакты. Ну, Галка... ну, я ей устрою... школьной подруге!

– Я эту тварь уже проучил.

– Избил? – ужаснулся Клим. – Паша, она побежит в милицию...

– Нет, придумал экзекуцию хуже. М-да, стоило мне споткнуться, и первой принялась добивать меня жена. Моя интуиция подвела меня единственный раз, когда я женился. Кстати, Клим, не знаешь, откуда новые охранники? Кажется, их трое. Мне они приглянулись, думаю, все же возьму их назад.

– Охрана – дело Ермака, – перечитывая интервью, произнес Клим. – У него узнай. Вот дура... Ладно, Паша, что сделано, то сделано. Кстати, почитай другие газеты, там тебе тоже досталось после вчерашней пресс-конференции. Мне пора.

– Ну, лети. Без результатов не возвращайся.

– Постараюсь сделать все возможное. А Галка... она просто идиотка. Умные эту грязь не воспримут, а на дураков наплюй.

Князев дождался, когда к нему привели Малику, потом помчался с ней к Марте Ивановне, но в адвокатскую контору вошел один.

В аэропорт Клим ехал в служебной машине, заодно устроил Галине разгон по телефону:

– Кто импотент, Пашка?! Если он с тобой перестал спать, то причину ищи в себе. Ты сделала все, чтобы он не вернулся к тебе... Нет, Галка, ничего не хочу слушать. В делах завода ты полная дура, а туда же! Акции она захотела!.. По закону?! По закону делится имущество, нажитое совместно за период брака, это я тебе говорю как юрист-любитель. Ты вышла за Пашку, когда он уже управлял заводом, значит, ты не то что ни одной акции не получишь, а и ржавой железяки. Придется перебраться тебе в однокомнатную квартиру, ездить на общественном транспорте, пойти работать, например, реализатором на рынок... Образование? Ты когда его получила? Сто лет назад? Тебя никто не возьмет, ты ж ничего не умеешь. Я был о тебе лучшего мнения.

Водитель остановил машину, не доезжая метров пятисот до аэровокзала. И так неудачно получилось, что в это время за поворотом основную трассу перекрыл грузовик, он разворачивался, да заглох мотор.

– С дороги! – крикнул шофер водителю грузовика.

– Я дойду, время есть, – открывая дверцу, сказал Клим.

Он вышел, забрал кейс и небольшой чемодан с заднего сиденья, захлопнул дверцу. Водитель отъехал, делая круг при развороте. В это время с противоположной стороны трассы вырвался мотоциклист с пассажиром, остановился напротив Клина.

Взяв чемодан, Клим поднял глаза и сначала не понял, почему пассажир мотоцикла, сидя боком к нему, выбросил руку в его сторону.

Мгновение – и Клим увидел пистолет.

Он не успел пуститься наутек или хотя бы упасть на землю. В следующее мгновение мотоцикл дернулся, одновременно раздался выстрел. И боль, адская боль сразила Клима. Мотоцикл вихрем умчался.

Клим схватился за бок, согнулся, словно от этого боль уменьшится. Падал он медленно, сначала став на колено, потом опустился на траву, припав щекой к земле и чувствуя от нее могильный холод. Боль жгла. Каркали вороны, потревоженные выстрелом, а больше никаких звуков, казалось, не было. Клим поднял глаза, в пасмурном небе летали черные птицы. «Как на кладбище», – подумал он, стискивая зубы и зажмуриваясь от боли.

– Павел, мелочи есть, но незначительные, – сказала Марта Ивановна своим прокурренным, с хрипотцой голосом. – За них не уцепишься.

– Значит, крах? – сник он.

– Пока не знаю. Наташка покопалась в документах по другим предприятиям. Нашла кое-что любопытное, то есть материалы натолкнули ее на мысль, как тебя обули. Сложность состоит в доказательстве обмана, потому что обманные действия не всегда очевидны.

– Ой, Марта Ивановна, попроще, пожалуйста.

– Ты не первый, у кого отнимают предприятие, а приемы, при помощи которых происходит отъем, не меняются, скажу больше: в развитых странах происходит то же самое. Но у нас, как всегда, пошли дальше. Знаешь, как действуют некоторые мошенники? Стряпают фальшивое решение суда, и будто бы суд проходил... например, в Ханты-Мансийске, а предприятие находится... в Питере! Мошенники нанимают вооруженную охрану и с поддельным решением идут на захват предприятия. Пока идет разбирательство, некоторые успевают продать предприятие за десятки, а то и сотни миллионов долларов, осложнив настоящему хозяину возврат его детища. Тут главное – нахрапом брать, бандитскими методами. Твой случай другой. Думаю, суть в нарушении делового кодекса, то есть в умышленном невыполнении взятых обязательств.

– Но обязательства не выполнил наш завод, то есть я.

– Понимаешь, Паша, в твоём деле слишком много неудач, не зависящих от тебя. Просто обвал какой-то. Смотри: банк купил акции, банк нашел партнеров, и банк же перепродал акции «Форсингу». А партнеры почему-то подвели: не поставили вовремя оборудование, когда же поставили, оно оказалось негодным. Потом ты с трудом запустил цех, но другие партнеры от продукции отказались. А на переговоры «Форсинг» не идет. Что-то тут нечисто.

– Банк? – не удержался от саркастической ноты Князев. – У банка нет заинтересованности в нашем производстве, акции-то у «Форсинга». Да и мне глава банка предлагала работу. Кто же будет одной рукой уничтожать, а другой нанимать?

– Я не говорю, что банк затеял интригу. Понимаешь, были случаи, когда компания-поглотитель имела прямое отношение к контрагентам, то ли кредитовала их, то ли тайно осуществляла руководство, в результате вроде бы объективные обстоятельства оказывались мошенничеством со стороны компании и контрагентов. Подобные приемы и обнаружила Наташа.

– То есть компания заведомо знала, что мне не поставят вовремя оборудование, откажутся от продукции?

– Как один из вариантов, да. Но доказать это практически невозможно. Видишь ли, нужно точно установить и подтвердить документально, есть ли связь компании с твоими контрагентами, а они ведь в других городах.

– Здесь есть их агенты, – потирая подбородок, сказал Князев. – Меня заказали, «жучков» понаставили, захват завода организовали. Кстати, Марта Ивановна, мне нужно проверить загородный дом на предмет «жучков».

– Нет проблем, я позвоню в частное детективное агентство, у меня там свои люди. Паша, что ты собираешься делать?

– Буду искать подтверждения связи банка с «Форсингом». – Князев достал звонившую мобилу. – Да?

– Паша, в Клима стреляли! – кричал в трубку Ермак.

– Он убит? – подскочил Князев.

– Ранен. Он в больнице. Вот что значит – без охраны!

– Еду к нему. Извините, Марта Ивановна, Клим...

– Павлик, будь осторожен! – крикнула она ему вдогонку.

Пуля прошла навывлет под ребрами, не задев важных органов, крови Клим потерял много, но это было не смертельно. Операцию делали даже не под общим наркозом, а под местным, хирург пошутил: дело житейское, считай, аппендикс оперируем. Во время операции Князев позвонил двум охранникам, которым мало-мальски доверял, и попросил срочно приехать в больницу. Когда они явились, начал с указаний:

– Будете охранять Клима. О том, что вы здесь, никто не должен знать.

– Нас же увольняют...

– Для всех вы уволены. На самом деле работаете, это ясно? Если кто-то пронюхает, говорите, что вас наняла любовница Клима. Понятно?

– Есть, Пал Палыч, – заулыбались оба.

– Подберите еще двоих из «стариков» себе на смену, условия те же – никому ни слова. Все, сегодня же заступаете на дежурство, а сейчас, пока я здесь, поезжайте и договоритесь со сменой.

Клима поместили в одноместную палату, Князев и Малика сели на стулья возле его кровати.

– Как это случилось? – спросил Князев.

– Как я остался жив? – не по делу веселился Клим. – В рубашке родился! Менты ехали в аэропорт на работу и вывернули как раз в тот момент, когда в меня собрался выстрелить седок. Водитель мотоцикла увидел их и газанул, а у киллера рука дрогнула, поэтому и не уложил меня. Мотоциклистов не догнали...

Князев потребовал рассказать подробно, узнал о грузовике, перекрывшем дорогу к аэровокзалу, о том, что водитель Клима отъехал...

– Интересно. Как только на дороге произошла авария, так там случайно грузовик оказался рядом. А кто был за рулем твоей машины?

– Новый водитель, его временно взяли вместо Фомича.

– Как думаешь, Клим, почему в тебя стреляли?

– Скажи лучше, почему не в тебя стреляли?

– Моя пуля впереди.

Маля заметила, что Князев – человек непоседливый, энергичный, жесты у него точные, часто резкие. Он подскочил со стула, сделал два шага и очутился у окна, одним движением сунул руки в карманы брюк, замер. Озадаченный Клим повернул к нему голову:

– Паша, ты говоришь загадками. Какая пуля?

– Моя, – не поворачиваясь к нему, бросил Князев. – Получу ее через недельку. Лежи, лежи, – покосившись на друга, который заерзал и застонал, сказал он. – Позже объясню. Смотри, Клим, что получается. Вчера было совещание, я приказал тебе напрямую договориться о поставках. Сегодня ты собрался улететь, и в тебя стреляли. Улавливаешь почему?

– Не выпускают из города? – понял Клим.

– Похоже, – кивнул Князев. – Крупные фирмы имеют офисы в Москве, а ты собрался туда. «Форсингу» невыгодно, чтобы у нас пошла продукция, значит, обложили завод они. Но! Ты собрался лететь, и в тебя выстрелили... Тебе не кажется, что кто-то из наших сдает?

– Не-ет... – протянул Клим, нахмурившись, после паузы повторил: – Нет. Всех мы знаем давно... Не может быть.

– А ты полежи и подумай, сопоставь все. – Князев вернулся на место. – Сдаст, Клим, сдаст. Чтобы нам с тобой выжить, надо вычислить стукача. Кто знал, что ты летишь сегодня?

– Все, – коротко ответил Клим.

– Вот именно, – вздохнул Князев. – Мы поехали, тебя будут охранять двое наших ребят, а ты думай, кто из этих «всех» потенциальный стукач.

– Оставь Малику меня охранять, она мне сказку почитает на ночь.

– Малика, выйди. – Та повиновалась, а Князев наклонился к Климу, опершись руками о кровать. – В эту сторону даже не дыши.

– Уж и пошутить нельзя?

– Знаю я тебя, шутника. – Князев открыл дверь, но потом повернулся к раненому. – Вообще-то я чертовски рад, что ты... жив. Отдыхай.

Ну, вот откуда они берутся? Стоило выйти из больницы, как налетели журналисты и наперебой загалдели:

– Скажите, Пал Палыч, что вы думаете по поводу покушения на вашего зама? Кого подозреваете? Ваша жена дала шокирующее интервью, ваши комментарии? Пал Палыч, вы не находите, что передел собственности идет в нашем городе полным ходом?

– Без комментариев, – озверело выговорил он, скрываясь в машине. – Иногда мне хочется уехать в деревню, копать огород и доить козу.

– Кто мешает? – спросила Маля.

– Гордыня. Не умею уступать, люблю победы.

Позвонила мама, она была, конечно, в шоке от всего происходящего, он как мог успокоил ее:

– Ма! Все не так, как преподносят. Честное слово. Завтра или послезавтра заеду. Пока.

10

По дороге он забрал частного детектива и помчался домой. Оставив детектива в машине, Князев и Малика поднялись на этаж, он позвонил, ведь ключи отдал Бомбею, который и впустил их. Тотчас появилась заплаканная Галина. Не обращая на нее внимания, Князев взбежал наверх к Тетрису, сидевшему за ноутбуком.

– Как дела?

– Отправил, – сказал Тетрис.

– Собирайся, мы меняем дислокацию.

Он забежал в спальню, собрал еще два чемодана, когда вошла Галина:

– Ты хоть посмотри, во что они превратили ванную и кухню. Что варит этот урод? Наркотику? Все кастрюли загадил, провонял весь дом...

– Еще одно слово, и я с друзьями останусь здесь.

– Тогда молчу, – пыхнула Галина. – Я тебя видеть не могу.

Он застегнул чемоданы, спустился вниз:

– Готовы? Поехали.

Бомбей захватил кастрюли с варевом, пообещав хозяйке их вернуть.

– Катись к черту вместе с кастрюлями! – разрыдалась она.

Князев привез всех в загородный дом, куда собрался ехать еще утром, но кто способен удержаться и не отомстить жене хотя бы в мизерной степени? Только святой, а он далек от святости. Ее счастье, что он привел с собой народ, в противном случае неизвестно, чем бы дело кончилось. Он человек несдержанный, как ни воспитывал себя, приноравливаясь к общему стандарту капиталистов, а темперамент брал свое.

Большой двухэтажный особняк располагался на середине обширного участка, засаженного как плодовыми деревьями, так и парковыми. Князев пультом открыл ворота, проехал по дороге и остановился у лестницы, ведущей к входу в здание.

– В доме ни слова, пока его не прощупают, – предупредил он.

Детектив водил искателем по всем углам и закоулкам, «жучки» нашел на застекленной веранде, куда проще попасть, и на балконах под перилами. Комнаты оказались чистыми, похоже, в них не успели проникнуть, кто-то спугнул слухачей. По телефону Князев вызвал такси и отправил детектива домой. О продуктах забыли, поэтому Малика приготовила ужин из того, что было в доме, – сварила макароны, открыли консервы, имевшиеся в достаточном количестве.

– Бомбей, права купили? – вспомнил Князев.

– Чемергес, покажи, – толкнул того в бок Бомбей.

Стриженный и отмытый до неузнаваемости Чемергес (правда, грязь въелась в его руки намертво) протянул водительские права, сияя, как лампочка. Раздался звонок, Князев резко подскочил к телефону, уронив при этом стул, включил громкую связь. Это был Захарчук, его представитель в Москве:

– Пал Палыч, разведка донесла, завтра придут нас паковать.

– Письмо получил?

– Получил, да. Поэтому звоню, чтобы уточнить. Мне точно запускать эту программу?

– Без сомнения. Ты где сейчас?

– В офисе, бумаги аннулирую.

– Хоть до утра сиди, но уничтожь все, что написано пером. Перед тем как будешь отключать компьютер, запусти программу, понял? И отдавай офис без истерик, сдай пароли, пусть лезут на здоровье.

– Понял. Хотя ничего не понял.

– Делай, как говорю. – Положив трубку, Князев подмигнул всем. – После того как здесь была предпринята неудачная попытка захвата, я предположил, что «Форсинг» попытается забрать нашу штаб-квартиру в Москве, там тоже есть документация. Поэтому дал задание Тетрису отослать по адресу надежный вирус. Итак, завтра произойдет частичная наша капитуляция.

– Не радуйся, – охладил его Тетрис. – Не гарантирую, что вирус не проникнет в Сеть завода. Князев, ты предупредил системного администратора? А то моя бацилла перелопатит все так, что...

– Само собой, предупредил.

– Он хорошо подкованный?

– У меня посредственности не работают. Я сказал ему о возможной вирусной бомбардировке, он готов. Теперь срочно поищи материалы о наших партнерах, список я написал, начни с «Форсинга» и «Спарринга».

– Что конкретно тебя интересует? – спросил Тетрис.

– Любая информация. Скачай все подряд, я отберу.

Ужин прошел весело, словно все проблемы остались позади. Что удивительно – Князев улыбался, даже шутил за столом, у него явно поднялось настроение. А дело было в Климе: раз в него стреляли, значит, он не стукач, ему можно доверять. Все же люди верно говорят: не имей сто рублей, а имей сто друзей. Ну, сто – это слишком, достаточно и нескольких человек, но надежных, которым не страшно довериться.

Остаток вечера после ужина посвятили устройству на ночь, каждый выбрал по комнате и готовился ко сну, кроме Тетриса. Он сварил литровую кастрюлю кофе и удалился в кабинет работать.

– ... такой, значит, сценарий, – закончил Князев.

В замешательстве Клим скреб небритую щеку, они были одни, Павел Павлович не пустил в палату Малику.

– Дай попить, – попросил Клим. – Не воду. В холодильнике сок, налей половину, а то постоит и согреется, не люблю теплые напитки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.